

**АНТИ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ
МЕНТАЛЬНОСТЬ**

Людвиг фон Мизес

Антикапиталистическая ментальность

Людвиг фон Мизес

УДК 172.2
ББК 65.02
М57

Shevtsov Library

Перевод с английского:

Е. Журавский, Б. Пинскер, В. Родионов

Мизес, Людвиг фон.

Антикапиталистическая ментальность / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. под ред. А. Шевцова — Москва: Shevtsov Library — 92 с.

В 1954 году, после серьёзной теоретической работы в области экономической науки, Мизес обратил свое внимание на одну из величайших загадок всех времен: выяснить, почему интеллектуалы ненавидят капитализм. Результатом стал этот социальный и психо-культурный анализ, основанный на экономической теории и выпущенный в 1956 году.

Мизес рассматривает вопросы с самых разных точек зрения, обсуждает природу академических институтов, популярную культуру и то, как такие пороки, как ревность и зависть, влияют на теоретические изыскания. Все они играют определённую роль в том, что мешают людям увидеть самоочевидные преимущества экономической свободы по сравнению с контролем. Его комментарии о недовольстве интеллектуалов очень глубоки. В ходе своего повествования он объясняет те аспекты рынка, которые обычно ускользают даже от его защитников. Например, правда ли, что рынки отупляют культуру, превознося дрянные романы и фильмы над более высокими? Мизес отмечает, что вкусы масс всегда и везде будут ниже, чем у тех, кто образован и воспитан в духе высокой культуры.

Стиль этого тома более непринужденный, чем в других книгах. В каком-то смысле он более захватывающий. Читатель чувствует, что Мизес выплеснул здесь разочарование всей своей жизни и пролил яркий свет на некоторые темные уголки мнений.

© Издательство «Дело», 1993

© Shevtsov Library, 2022

УДК 172.2

ББК 65.02

М57

Содержание

Введение	5
I. Социальные характеристики капитализма и психологические причины ненависти к нему	7
II. Социальная философия простого человека	32
III. Литература при капитализме	43
IV. Возражения неэкономического порядка, выдвигаемые против капитализма	62
V. «Антикоммунизм» против капитализма	87

Введение

Замена докапиталистических методов экономического хозяйствования свободным капитализмом увеличила население и небывало повысила средний уровень жизни. В наши дни нация тем больше процветает, чем меньше она препятствует духу свободного предпринимательства и личной инициативы. Народ США преуспевает больше других народов именно потому, что его правительство позже, чем правительства других стран, начало проводить политику утеснения бизнеса. Тем не менее, многие, особенно люди умственного труда, страстно ненавидят капитализм. По их представлениям, эта отвратительная форма экономической организации общества способна породить только зло и нищету. В доброе старое время, предшествующее «индустриальной революции», люди, якобы, жили в счастье и достатке. Теперь, при капитализме, огромное большинство людей – это полуголодные бедняки, беспощадно эксплуатируемые беспринципным меньшинством. Для этих негодяев не существует ничего, кроме их барышей. Они производят не то, что действительно полезно и нужно обществу, а лишь то, что даёт самую высокую прибыль. Они отравляют тела рабочих алкоголем и табаком, ум и души – низкопробным газетным чтивом, порнографическими книгами и глупыми бессодержательными фильмами. «Идеологической надстройкой» капитализма является упадочническая и вырожденческая литература, театр чёрного юмора, «искусство» стриптиза, голливудские ленты и детективы.

Настрой общественного мнения предельно ясно виден из того, что оно связывает само определение «капиталистический» только с чем-либо отвратительным и никогда ни с чем положительным. Да разве может от капитализма исходить какое-либо добро? Ведь всё ценное производилось и производится вопреки капитализму, его же отличительная черта – порождение сплошных зол и бед.

6 Антикапиталистическая ментальность

Цель нашего очерка – проанализировать корни преубеждения против капитализма и проследить следствия такого взгляда на капитализм.

I. Социальные характеристики капитализма и психологические причины ненависти к нему

Всесильный потребитель

Отличительной чертой современного капитализма является массовое производство товаров для массового же их потребления. Результат этого – тенденция к постоянному повышению среднего уровня жизни, постепенное обогащение многих. Капитализм превращает «простого человека» из пролетария в «буржуа».

На рынке в капиталистическом обществе простой человек является полноправным хозяином-потребителем, который, покупая или воздерживаясь от покупки, в конечном счёте, определяет, что и в каком количестве должно производиться, какого качества оно должно быть. Магазины и заводы, удовлетворяющие исключительно или преимущественно нужды более состоятельных членов общества в предметах роскоши, играют лишь подчинённую роль в условиях рыночной экономики. Они никогда не достигают размаха большого бизнеса, ибо большой бизнес всегда – прямо или косвенно – обслуживает массы.

Именно в этом возрастании роли масс состоит радикальный социальный переворот, совершённый «промышленной революцией». Те социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих, становятся теперь покупающей публикой, ради которой старается бизнесмен. Они-то и есть тот клиент, который «всегда прав», полновластный хозяин, который способен сделать бедного поставщика продукции богатым, а богатого – бедным.

В условиях рыночной экономики уже не нужны вельможи и чиновники, держащие в повиновении чернь и собирающие с неё налоги и подати, чтобы предаваться шумным пирам, оста-

вив на долю простолюдина краюху чёрного хлеба. Капиталистическая система производства позволяет преуспевать лишь тем, кто научился как можно лучше и при минимальных затратах удовлетворять нужды людей. Разбогатеть можно только обслуживая потребителя. Капиталист неизбежно теряет состояние, если он не сумел или не успел вложить его в дело для наилучшего удовлетворения общественных потребностей. В этом ежедневном плебисците, где каждый грош даёт право голоса, именно потребители определяют, кому владеть и управлять заводом, магазином, фермой. Контроль за материальными средствами производства является теперь общественной функцией, одобряемой или отвергаемой Его Величеством Потребителем.

А вот что представляет собой в этих условиях понятие свободы. Любой взрослый индивидуум имеет возможность моделировать свой образ жизни по собственному плану. Никто не принуждает его жить согласно единственно допустимому плану, навязываемому властями с помощью полиции, т. е. общественного аппарата принуждения. Свободу индивидуума ограничивает не насилие или угроза насилия со стороны других людей, а только физиологическая структура его тела и естественная ограниченность его производительных возможностей. Естественно, что способность человека самому определять свою судьбу не может преодолеть границы законов природы.

Констатируя эти факты, мы не трактуем индивидуальную свободу с точки зрения каких-либо абсолютных критериев или метафизических понятий. Мы воздерживаемся также от оценки модных доктрин апологетов тоталитаризма как «правого», так и «левого» толка. Мы не разделяем утверждения, что массы, якобы, слишком неразвиты и неспособны понять, в чём состоят их «истинные» потребности и интересы, и нуждаются в опекуне, – правительстве, иначе их дело плохо. Мы не будем также анализировать утверждения, что есть претенденты из числа «сверхчеловеков», готовые взять на себя роль таких опекунов.

Побуждение к экономическому совершенствованию

При капитализме простой человек пользуется благами, которые в предшествующие времена были неизвестны, а, следовательно, и недоступны даже самым состоятельным людям. Но, разумеется, все эти мотоциклы, телевизоры и холодильники не делают человека счастливым. В момент их приобретения он, возможно, чувствует себя счастливее, чем прежде. Но едва его желание удовлетворено, тотчас возникают новые. Такова человеческая природа.

Немногие американцы полностью отдадут себе отчёт в том, что их страна имеет самый высокий уровень жизни, и уровень жизни среднего американца кажется сказочным и недостижимым огромному большинству людей в некапиталистическом мире. Большинство склонно недооценивать то, что они имеют и могут достичь и стремятся добиться того, что лежит за пределами их возможностей. Бессмысленно сетовать по поводу ненасытности человека в приобретении всё большего количества благ. Именно это стремление стимулирует человека к экономическому совершенствованию. Едва ли можно считать достоинством удовлетворённость человека тем, чем он обладает, либо чего он может легко добиться, или отказ от всяких попыток улучшить своё материальное положение. Такое поведение свойственно скорее животному, но не разумному человеческому существу. Отличительная черта человека состоит в том, что он никогда не прекращает попыток повысить своё благосостояние целенаправленной деятельностью.

Однако это стремление должно быть соразмерно цели. Оно должно вызвать желаемый эффект. Прискорбно в наших современниках не то, что они безудержно стремятся к всё большему разнообразию предметов потребления, но что они выбирают неверные средства для достижения этой цели. Они введены в заблуждение лживой идеологией, поэтому потворствуют политике, противоречащей их собственным жизненным интересам, если их понять правильно. Не желая осознать

неизбежные следствия своего поведения, которые не замедлят сказаться в конечном счёте, они довольствуются теми краткосрочными выгодами, которые оно даёт им сегодня. Они призывают принять меры, которые, в конце концов, обязательно приведут к всеобщему обнищанию, разрыву сотрудничества между общественными группировками на основе разделения труда и возврату к варварству.

Есть только один способ улучшить материальное положение человека: ускорить рост накапливаемого капитала по отношению к росту населения; Чем больше капитала вкладывается в расчёте на одного работающего, тем больше товаров может быть произведено и потреблено, тем лучшего качества они будут. Именно такое положение породил и порождает каждый день заново капитализм, столь ненавистная многим «система прибыли». И всё же многие правительства и политические партии стремятся уничтожить капитализм.

Почему же они ненавидят капитализм? Почему все они, пользуясь всеми благами, предоставляемыми капитализмом, с такой ностальгией смотрят назад, в «доброе старое время» и на жалкое положение рабочего в сегодняшней России?

Сословное общество и капитализм

Прежде чем обсудить этот вопрос, необходимо чётко уяснить основную особенность, отличающую капитализм от иерархического общества.

Довольно часто предпринимателей и капиталистов в обществе рыночной экономики уподобляют аристократам в иерархическом обществе. Критерий сравнения здесь – относительная состоятельность обеих групп по сравнению с относительной бедностью остального общества. Однако, прибегая к этой метафоре, мы рискуем упустить важнейшее отличие между богатством аристократа и богатством «буржуа» или капиталиста.

Богатство аристократа не является фактором рынка, оно

возникло не в результате снабжения потребителя товаром и не может исчезнуть или измениться под воздействием поведения части общества. Оно порождено завоеванием или щедростью завоевателя. Это богатство может быть отнято лицом, давшим его, стать добычей другого или быть растраченным самим обладателем по нерадивости, феодал не служит потребителю и, таким образом, защищён от недовольства народа.

Предприниматели и капиталисты обязаны своим состоянием населению, которое покровительствует их бизнесу. Они неизбежно теряют его, как только приходят люди, обслуживающие потребителей лучше и дешевле.

В наши задачи не входит описание исторических условий появления каст и сословий, подразделения людей на наследственные группы, имеющие различный ранг, различные права, притязания и законные привилегии. Для нас важно лишь то, что сохранение этих феодальных институтов оказалось несовместимо с капиталистической системой. Их отмена и установление принципа равенства перед законом сломали барьеры, мешавшие человечеству пользоваться благами, которые могла дать система частной собственности на средства производства и частное предпринимательство.

В обществе, основанном на рангах, сословиях и кастах, общественное положение человека фиксировано. Он родился с определённым статусом, и его положение жёстко определено законами и обычаями, дающими любому члену его сословия определённые привилегии и обязанности или накладывающими на него определённые ограничения. В случае крайней удачи или, напротив, неудачи индивидуум может либо приобрести более высокий социальный статус, либо потерять свой и перейти в более низкую категорию. Но, как правило, условия человека определённого ранга или сословия улучшаются или ухудшаются только при изменении состояния всего общества. Индивидуум, в первую очередь, принадлежит не определённой нации, а скорее определённому сословию (*Stand, état*) и только в качестве такового входит в состав нации. Со своим соотечественником, принадлежащим к другому сословию, он не чув-

ствует никакой общности. Он ощущает только пропасть, разделяющую обоих. Отличия проявлялись и в языке, и в одежде. При *ancien regime* европейские аристократы разговаривали преимущественно по-французски, третье сословие пользовалось местными диалектами, а низшие слои городского населения и крестьяне сохраняли местные наречия, жаргоны, аргю, непонятные образованным людям. Различия наблюдались и в манере одеваться. Можно было безошибочно определить принадлежность любого человека к определённому сословию.

Основная критика, высказываемая сторонниками «доброе старое время» по поводу принципа равенства всех перед законом, состоит в том, что он уничтожил все привилегии ранга и благородного происхождения. Этот принцип, считают они, «атомизировал» общество, растворил «органическое» разделение в «аморфных» массах. Теперь решающей силой стало абсолютное большинство, и его мелочный материализм вытеснил благородные традиции предшествовавших веков. Отныне властелин – деньги. Совершенные ничтожества пользуются богатством и изобилием, тогда как люди достойные и благородные не имеют за душой ничего.

Такие рассуждения молчаливо признают, что при *ancien regime* аристократы обладали достоинствами и были обязаны высоким положением и достатком своему моральному и культурному превосходству. Едва ли нужно всерьёз развенчивать этот миф. Воздерживаясь от всяких оценок, отметим лишь, что все историки единодушны в том, что высшая аристократия основных европейских стран – это потомки тех солдат, дворовых людей и придворных, которые в религиозно-политической борьбе XVI–XVII веков благоразумно примкнули к партиям, одержавшим победу в своих странах.

По-разному оценивая стандарты жизни в старые времена, все консервативные и «прогрессивные» противники капитализма, тем не менее, сходятся в осуждении норм жизни в капиталистическом обществе. По их мнению, успеха и признания добиваются здесь не те, кто заслуживает этого, но пустые и недостойные люди. И те и другие противники капитализма рату-

ют за то, чтобы заменить более честными методами те, якобы несправедливые методы распределения, которые существуют при свободном капитализме.

Никто никогда не утверждал, что при свободном капитализме процветают те, кому должно отдаваться предпочтение с точки зрения вечных ценностных норм.

Капиталистическая свобода рынка не предполагает вознаграждения человека согласно его «подлинным» заслугам, неотъемлемым достоинствам и моральному совершенству. Не делает его процветающим и оценка его вклада с точки зрения «абсолютной» справедливости. Важна только оценка, даваемая его собратьями, которые, однако, применяют исключительно собственные мерки, исходя при этом из своих вкусов, желаний и целей. Именно в этом состоит особенность демократической системы рынка. Потребитель – превыше всего, а значит он, – полновластный хозяин. И он должен быть удовлетворён.

Миллионы людей любят «Пинкапинку», напиток, изготавливаемый всемирно известной компанией «Пинкапинка». Миллионы людей любят детективы, фильмы ужасов, бульварную прессу, корриду, бокс, виски, сигареты, жевательную резинку. Миллионы отдадут свои голоса за правительства, желающие вооружаться и воевать. Поэтому предприниматели, которым удаётся лучше и дешевле производить все вещи, необходимые для удовлетворения этих нужд, становятся богатыми. В условиях рыночной экономики важно не научное определение ценности, а та реальная оценка, которую дают данной вещи люди, покупая или не покупая её.

Тому, кто склонён сетовать на нечестность рыночной системы, можно порекомендовать лишь одно. Если хочешь добиться успеха, попытайся предложить потребителю что-либо дешевле или лучше чем то, что уже имеется. Попытайся превзойти Пинкапинку другим, более удачным напитком. Равенство перед законом позволяет тебе вызвать на соревнование любого миллионера.

В условиях рынка, не испытывающего давления со стороны правительства, которое стремилось бы наложить на него

запреты и ограничения, можно пенять только на себя, если ты не смог превзойти шоколадного короля, кинозвезду или чемпиона по боксу.

Если вы предпочтёте богатству, которого могли бы добиться, торгуя одеждой или занимаясь профессиональным боксом, удовлетворение от занятий поэзией или философией, – ваше право. Но тогда, естественно, вы не заработаете столько, сколько заработает тот, кто будет служить большинству. Ибо таков закон экономической демократии рынка.

Тот, кто удовлетворяет нужды небольшого числа людей, может рассчитывать на меньшее количество долларов, чем тот, кто удовлетворяет потребности большого числа людей. В том, что касается заработка, кинозвезда всегда обгонит философа, а изготовители Пинкапинки – создателя симфоний.

Важно представлять себе, что возможность конкурировать в области цен, которая должна быть гарантирована обществом, является социальным институтом. Нельзя устранить или смягчить врождённые дефекты, которыми природа поставила многих в более трудное положение по сравнению с остальными. Нельзя изменить то, что кто-то родился больным или стал инвалидом. Биологическая «оснащённость» человека очень жёстко ограничивает сферу его деятельности. Люди, которые обладают способностью мыслить самостоятельно, отделены непреодолимой пропастью от людей, не обладающих этой способностью.

Негодование, порождаемое неудовлетворённым честолюбием

Теперь попытаемся понять, почему многие ненавидят капитализм. В обществе, основанном на кастах и сословиях, индивидуум может приписать свою неудачливость обстоятельствам, находящимся вне его контроля. Он раб, потому что высшие силы, определяющие ход событий, навязали ему это состояние. Это случилось не по его вине, и у него нет основа-

ний стыдиться своего жалкого положения. Его жена не может упрекнуть его ни в чём. На упрёк: «Почему ты не герцог? Будь ты герцогом, я была бы герцогиней», – он возразит ей: «Родись я сыном герцога, я женился бы не на тебе, дочери раба, а на дочери другого герцога; в том, что ты не герцогиня – только твоя вина, нужно было более обдуманно выбирать родителей».

При капитализме всё выглядит иначе. Здесь положение человека зависит от его собственных усилий. Каждый, чьё честолюбие не удовлетворено в полной мере, осознаёт, что он просто упустил свой шанс, пытался, но не смог, и его ближний оказался удачливее. И когда его жена попрекает его: «Почему ты зарабатываешь всего 80 долларов в неделю? Если бы ты был таким же ловким, как твой бывший приятель Пол, ты был бы бригадиром и мне жилось бы лучше», – он сознаёт свою неполноценность и испытывает унижение.

Жестокость капитализма, о которой столько говорят, состоит в том, что каждый получает от него столько, сколько он делает для пользы и благосостояния ближних.

Осуществление принципа «каждому – по его труду» не может быть ответственно за личные неудачи. Каждый прекрасно сознаёт, что есть люди, такие же как он сам, которые добились успеха там, где он сам потерпел неудачу. Каждый знает и то, что многие из тех, кому он завидует, – это люди, добившиеся всего сами и начавшие с того же, что и он сам. И что хуже всего, он прекрасно знает, что это ясно всем остальным. Он читает в глазах своей жены и детей немой упрёк: «Почему ты не оказался расторопнее и умнее?» Он замечает, как восхищаются люди теми, кто добился больше, чем он, и какое презрение и жалость они испытывают к его собственной неудачливости.

При капитализме человека несчастным делает то, что эта система даёт каждому возможность добиться самого высокого положения, но этого, разумеется, достигают немногие. Чего бы человек ни добился, это всегда лишь ничтожная часть того, чего жаждет его честолюбие. Перед его глазами всегда есть люди, достигшие успеха там, где он потерпел неудачу. Всегда есть товарищи, которые обогнали его, и он подсознательно ис-

пытывает по отношению к ним комплекс неполноценности. Так чувствует себя бродяга по отношению к человеку, имеющему постоянную работу, рабочий – к бригадиру, чиновник – к вице-президенту, вице-президент – к президенту компании, человек у которого в банке 300 тысяч долларов, – к миллионеру и т. д. Самоуверенности и моральной успокоенности человека мешает то, что перед его взором постоянно находятся те, кто проявил больше изобретательности и способностей. От этого он остро ощущает своё поражение и неполноценность.

Первым, кто категорически отверг «западные» идеи Просвещения и общественную философию рационализма, утилитаризма и индивидуализма, равно как и политику, проводимую этими школами, был немецкий учёный Юстус Мезер, за ним последовало множество продолжателей. Одним из новомодных в тот период принципов, вызвавших нападки Мезера, было требование, чтобы продвижение армейских офицеров и чиновников по службе было поставлено в зависимость от личных достоинств, а не от их благородного происхождения, возраста или срока службы. Жизнь в обществе, где успех полностью зависел бы от личных заслуг, считал Мезер, была бы просто невыносима. Так уж устроен человек: ему свойственно переоценивать свои достоинства и заслуги. Если положение человека в обществе обусловлено факторами иными, чем наличие или отсутствие у него достоинств, то те, кто остался внизу общественной лестницы, могут смириться с таким исходом и, не подвергая сомнению свою человеческую ценность, сохранить достоинство и самоуважение. Совсем другое дело – когда всё решают заслуги. В этом случае неудачник чувствует себя оскорблённым и униженным. Отсюда появляется ненависть и враждебность к тем, кто его обогнал.¹

Система цен и рынков при капитализме образует общество, в котором именно заслуги и достижения определяют успех или неуспех человека. Как бы мы ни расценивали предубеждение Мезера против принципа продвижения по заслугам, мы вынуждены признать, что он верно описал одно из его пси-

¹ Justus Moser's *Sammtliche Werke*, ed. B. R. Abeken, Berlin, 1842, Vol. II, стр. 187–191

кто пытался пробиться, но потерпел при этом крах.

Такой человек, чтобы как-то утешиться и восстановить уверенность в себе, пытается найти козла отпущения. Он старается убедить себя, что потерпел поражение не по собственной вине. Он ни в чём не уступает более удачливому сопернику, ни в работоспособности, ни в изобретательности. Просто, к сожалению, неудачная структура общества не способна оценить самых достойных людей по заслугам, она скорее увенчает лаврами беспринципного негодяя, мошенника, эксплуататора, «закоренелого индивидуалиста». А наш неудачник потерпел поражение именно из-за своей честности. Он оказался слишком порядочным, чтобы прибегнуть к гнусным махинациям, которым его удачливые соперники обязаны своим возвышением. При капитализме человек вынужден выбирать: либо добродетель и бедность, либо бесчестность и богатство. Лично он, наш герой, слава Богу, выбрал первый путь и решительно отверг второй.

Это стремление отыскать козла отпущения является характерным настроением людей при общественном устройстве, в котором каждый оценивается с точки зрения вклада в благосостояние ближнего и является, таким образом, кузнецом собственного счастья. В таком обществе любой человек, чьё честолюбие не удовлетворено полностью, враждебно относится к более удачливым соперникам. Человек примитивный отводит душу в сплетнях и наговорах. Более тонкие натуры не опускаются так низко. Они сублимируют свою ненависть в философию, философию антикапитализма, чтобы заглушить внутренний голос, говорящий: твоё поражение – твоя собственная вина. Фанатизм, проявляемый ими в критике капитализма, объясняется именно тем, что, сознавая несправедливость этой критики, они всё же стараются убедить себя в её обоснованности.

Муки неудовлетворённого честолюбия очень типичны для людей, живущих в обществе равенства всех перед законом. Такое положение, однако, вызвано не равенством перед законом, а тем, что именно в этом обществе неравенство людей в

отношении их интеллектуальных способностей, силы, воли и усердия наиболее резко бросается в глаза. Разрыв между тем, что представляет собой человек и чего он достиг, с одной стороны, и тем, что он сам думает о своих возможностях и достижениях, с другой стороны, безжалостно обнажается. Мечты о «справедливом» мироустройстве, которое оценит индивидуума по его «действительным достоинствам», являются удобным прибежищем всех, кто не до конца честен перед самим собой.

Негодование интеллектуалов

Обычный человек, как правило, не имеет возможности общаться с теми, кто добился в жизни большего, чем он. Он вращается среди других таких же обычных людей и никогда не бывает в одной компании со своим начальником. Он никогда на личном опыте не может узнать, насколько отличается от него предприниматель или руководитель по тем качествам и способностям, которые требуются для успешного обслуживания потребителей. Его зависть и порождаемая ею обида направлены не против конкретного человека из плоти и крови, а против некоторой бесплотной абстракции вроде «руководства», «капитала», «Уолл-стрита». Нельзя ненавидеть столь абстрактный образ такой ненавистью, какая возможна по отношению к ближнему, с которым встречаешься каждый день.

Совсем другое положение у тех, кто в силу рода занятий или семейной принадлежности общается с добившимися крупных успехов и завоевавшими награды; людям этого круга кажется, что успехи и награды по праву должны были бы принадлежать им. У них ощущение неудовлетворённых амбиций особенно остро, так как оно порождено ненавистью к конкретным лицам. Они испытывают отвращение к капитализму за то, что он позволил другому человеку занять то положение, которое они хотели бы иметь сами.

Так обстоит дело с теми, кого обычно называют людьми умственного труда. Возьмём к примеру врачей. Любой врач

на основе ежедневного опыта осознаёт существование иерархии, в которой каждый медик занимает своё место согласно заслугам и достижениям. Более выдающиеся специалисты, методы и открытия которых он должен освоить и использовать на практике, чтобы не отстать от времени, были когда-то его одноклассниками в медицинском училище, работали вместе с ним санитарями, сейчас вместе с ним посещают встречи медицинской ассоциации. Он встречается с ними у постели больного, на общественных мероприятиях. Некоторые из них – его личные друзья или родственники, и они ведут себя по отношению к нему крайне учтиво, называя его «уважаемым коллегой». Однако они стоят значительно выше его в глазах общества и превосходят его размерами дохода. Они обогнали его и теперь принадлежат к другому классу. Сравнивая себя с ними, он чувствует себя униженным. Но он должен строго контролировать себя, чтобы его обида и зависть ни в чём не выразились. Даже самое незначительное проявление подобных чувств было бы расценено как очень дурной тон и принизило бы его в глазах окружающих. Поэтому ему ничего не остаётся, как проглотить обиду и обратить свою злобу против другого объекта. И он обвиняет экономическую организацию общества, порочную капиталистическую систему: вот если бы не эта нечестная система, его способности и талант, энергия и труд принесли бы ему заслуженное вознаграждение.

Подобным образом обстоит дело со многими юристами и учителями, художниками и артистами, писателями и журналистами, архитекторами и научными работниками, инженерами и химиками. Они тоже чувствуют себя неудовлетворёнными, так как их угнетает сознание, что их опередили более удачливые коллеги, их бывшие одноклассники и приятели. Обида усугубляется именно тем кодексом профессионального поведения и этики, которые маскируют конкуренцию видимостью товарищеских и коллегиальных отношений.

Чтобы понять причину ненависти интеллектуала к капитализму, нужно понять, та), по его представлениям, эта система воплощена в некоторых из его коллег, успех которых он воспри-

нимает как личную обиду и которых он считает виновниками неосуществления своих честолюбивых планов. Его страстная ненависть к капитализму – это просто маскировка ненависти к более удачливым «коллегам».

Антикапиталистические предубеждения американских интеллектуалов

Настрой интеллектуалов против капитализма – явление, не ограниченное одной или несколькими странами. Однако в США это предубеждение более обострено, чем в европейских странах. Чтобы объяснить причину этого странного положения, обратимся к понятию «общества» или, как его называют по-французски, *le monde*.

В Европе «общество» составляют все, кто достиг успеха в какой-либо сфере деятельности. Государственные деятели и парламентские лидеры, руководители различных департаментов государственной службы, издатели и редакторы ведущих журналов и газет, известные писатели, учёные, художники, артисты, музыканты, инженеры, юристы и врачи образуют вместе с преуспевающими бизнесменами и отпрысками аристократических семей так называемое «высшее общество». Они встречаются за обедами и на вечеринках, благотворительных балах и базарах, премьерях и вернисажах, они бывают в одних и тех же ресторанах, отелях, курортах. Общаясь, они с удовольствием беседуют об интеллектуальных предметах (форма общения, выработанная в Италии эпохи Возрождения, усовершенствованная в парижских салонах и затем подхваченная всеми «обществами» в Западной и Центральной Европе).

Новые идеи и веяния сначала находят отклик на этих светских раутах и лишь потом начинают распространяться в более широких кругах. Нельзя исследовать историю искусства и литературы, обходя молчанием роль, которую играл «свет» в поощрении или, наоборот, бойкоте деятелей искусства.

Доступ в европейский «свет» открыт любому, кто отли-

чился в какой-либо сфере. Он, может быть, проще для потомков аристократии или для очень обеспеченных людей, чем для простых людей со скромным доходом. Но ни богатство, ни титулы не могут дать члену этого общества тот ранг или престиж, какой способно дать признание его выдающихся личных качеств или способностей. Звёздами парижских салонов являются не миллионеры, а члены французской Академии. Здесь преобладают интеллектуалы, а остальные, по меньшей мере, делают вид, что их интересуют интеллектуальные вопросы.

«Общество» в таком смысле – явление, чуждое Америке. То, что мы называем «высший свет», в США почти исключительно состоит из самых состоятельных семей. Между процветающим бизнесменом и выдающимися писателями, художниками, учёными очень мало контактов. Те, чьи имена фигурируют в социальном регистре, никогда не встречаются с людьми, формирующими общественное мнение и распространяющими новые идеи, которые потом определяют будущее нации. Большинство в этом «обществе» не интересуются ни книгами, ни идеями. Встречаясь, они, если не играют в карты, то сплетничают о ком-либо или беседуют скорее о спорте, чем о культурных проблемах. Но даже те, кому не чужды книги, считают писателей, учёных и художников людьми, с которыми им неинтересно общаться.

Почти непреодолимая пропасть разделяет «общество» и интеллектуалов.

Эту ситуацию можно объяснить исторически, но факт остаётся фактом. Нельзя преодолеть и ту обиду, которую, в свою очередь, питают интеллектуалы к членам «общества» – в отместку за пренебрежение к ним. Американские писатели и учёные склонны считать состоятельного бизнесмена варваром, единственная мысль которого – делать деньги. Профессор презирает своих питомцев за то, что тех больше интересует университетская футбольная команда, чем успехи на академическом поприще. Он чувствует себя оскорблённым, узнав, что тренер команды получает за работу больше, чем известный преподаватель философии. Исследователи, выработавшие новые мето-

ды производства, ненавидят бизнесмена, которого интересует только прибыль от их изобретений. Очень показательно, что многие американские физики сочувствуют социализму и коммунизму. Принимая во внимание, что они сами не разбираются в экономике, но зато хорошо знают, что преподаватели экономики в университете нелестно отзываются о капитализме, пренебрежительно именуя его «системой выжимания прибыли», трудно ожидать от них другого отношения.

Если группа людей изолирует себя от остальной нации, особенно от её интеллектуальных лидеров, как это делает американский «высший свет», она обязательно становится мишенью для злобных нападок со стороны тех, кто не допущен в их круг. Замкнутость, свойственная американскому «высшему свету», сделала его представителей своего рода изгоями. Они испытывают самодовольство от сознания своей исключительности, при этом, не замечая, что добровольно избранная ими сегрегация обособляет их от остальной нации и разжигает её враждебность к ним. Последнее побуждает интеллектуалов симпатизировать антикапиталистической политике.

Негодование «белых воротничков»

У «белых воротничков» ненависть к капитализму, свойственная большинству людей, подпитывается ещё двумя, характерными только для них факторами, угнетающими их психологически.

Сидя за столом и перенося на бумагу слова и цифры, чиновник часто бывает склонён переоценивать значимость своей работы. Он, как и его начальник, пишет и читает то, что написали другие, или говорит – прямо или по телефону – с другими людьми. Переполняясь самомнением, он воображает себя принадлежащим к управленческой элите и сопоставляет свои задачи с задачами начальника. Будучи «работником умственного труда», он смотрит свысока на рабочего, руки которого перепачканы и покрыты мозолями. Он чувствует себя оскорблён-

ным, узнав, что многие рабочие получают больше и пользуются большим уважением, чем он. Какая досада, думает он, что капитализм не оценивает по достоинству «умственный труд» и носится с какими-то «работягами».

Вынашивая эти наивные идеи об особой важности конторской работы по сравнению с ручным трудом, клерк лишает себя возможности трезво оценить ситуацию. Он не в силах понять, что работа в конторе состоит в выполнении ряда рутинных процедур, требующих элементарных навыков, тогда как «работяги», которым он завидует – это высоко квалифицированные механики и знатоки техники, умеющие управлять сложными станками и приспособлениями современной индустрии. Именно это полное искажение реального положения дел мешает чиновнику разобраться во всём объективно и сделать верные выводы.

С другой стороны, конторский работник испытывает постоянный дискомфорт от ежедневного общения с людьми, стоящими выше его в служебной иерархии. Он видит, что коллеги, подобно ему начинавшие карьеру с нуля, продвинулись вверх по служебной лестнице, тогда как он так и остался внизу. Ещё вчера его приятель Пол был на одном с ним уровне, а сегодня уже занимает более высокий и лучше оплачиваемый пост. И всё же, думает он. Пол во всех отношениях уступает ему. Конечно, отсюда следует вывод: Пол обязан своим возвышением грязным махинациям, которые могут возыметь действие только при этой подлой капиталистической системе, которую во всех книгах и газетах учёные и политики осуждают как источник всех зол и бед.

Классическое выражение убеждённости чиновника в том, что его работа есть часть предпринимательской деятельности и она сродни работе начальника, можно найти в одном из самых известных очерков Ленина, где он описывает «контроль за производством и распределением». Сам Ленин и его единомышленники никогда не понимали, как действует рыночная экономика, да и не стремились понять. О капитализме они знали что, по мнению Маркса, он – худшее из всех зол. Они были

профессиональными революционерами. Единственным источником существования были для них партийные фонды, пополнявшиеся за счёт добровольных взносов или насильственных «экспроприации». Но ещё до 1917 года, будучи в изгнании в Западной и Центральной Европе, некоторые из ленинских товарищей по партии время от времени служили чиновниками в деловых фирмах. Именно их опыт – опыт клерков, заполняющих бланки, записывающих цифры и подшивающих бумаги, – послужил Ленину источником сведений о предпринимательской деятельности.

Ленин правильно понял различие между деятельностью предпринимателя, с одной стороны, и работой «научно образованного персонала инженеров, агрономов и т. д.», – с другой. Эти специалисты и технологи главным образом – исполнители приказов. При капитализме они подчиняются капиталисту, при социализме – «вооружённым рабочим». Функция капиталистов и предпринимателей – в другом: она, по Ленину, состоит в «контроле за производством и распределением, трудом и продукцией». Таким образом, задачи предпринимателей и капиталистов заключаются в установлении целей, ради которых факторы производства должны быть задействованы, чтобы как можно лучше удовлетворять нужды потребителей, то есть в определении, что нужно производить, в каком количестве и какого качества. Будучи марксистом, Ленин не представлял себе тех трудностей, которые неизбежно приходится преодолевать при любой системе общественной организации, когда дело касается производственного процесса: неизбежная ограниченность факторов производства; невозможность заранее знать условия, которым должно соответствовать производство; необходимость выбрать из огромного множества технологических методов, пригодных для достижения заранее спланированных целей, те, которые в наименьшей степени противоречат этим целям, то есть такие, при которых издержки производства будут минимальными. В писаниях Маркса и Энгельса об этом нет и намёка. Из рассказов товарищей, которым доводилось иногда работать в конторах, Ленин знал о бизнесе, что там много

бумажной волокиты: записей, цифр. Так, он утверждает, что «учёт и контроль» – это основное условие организации и правильного функционирования общества. Но учёт и контроль, – продолжает он, – «упрощён капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырёх действий арифметики и выдачи соответствующих расписок».²

Вот вам во всей её красе философия чиновника, занятого переключиванием бумажек с места на место.

Негодование «кузенов»

На рынке, на который не воздействуют внешние силы, существует тенденция перехода управления средствами производства в руки наиболее энергичных людей. Как только человек или фирма дают себе послабление в усилиях как можно лучше удовлетворить самые насущные из всё ещё недостаточно удовлетворённых нужд потребителя, начинается растрата богатства, накопленного более удачливыми предшественниками. Часто эта растрата состояния начинается ещё при жизни самого бизнесмена, когда его энергия и предприимчивость начинают ослабляться под влиянием возраста, усталости, болезни, а его способность учитывать непрерывно меняющуюся структуру рынка постепенно теряется. Чаще состояние проматывается нерадивыми наследниками. Если инертное и вялое потомство всё же не совсем сходит со сцены и, несмотря на свою нерасторопность, сохраняет достаток, то только благодаря институтам и политическим мерам, которые были продиктованы антикапиталистическими тенденциями. Эти потомки отходят от рынка, где невозможно сохранить имеющееся богатство иначе, как приобретая его вновь каждый день в жёсткой конкуренции со всеми: с уже существующими фирмами и с новичками, «начинающими с нуля». Покупая правительственные облигации, они

---

² V. I. Lenin, *State and Revolution* (Little Lenin Library, No 14, published by International Publishers, New York) стр. 83–84.

прячутся под «крылышко» правительства, обещающего спасти их от превратностей рынка, где за нерасторопность приходится расплачиваться потерями.³

Однако есть семьи, в которых выдающиеся способности, необходимые для предпринимательства, передавались от поколения к поколению. Сын или внук, а иногда даже правнук может оказаться равным своему предку или даже превзойти его. Тогда состояние предка не только не теряется, но и умножается.

Такие случаи, однако, нечасты. Они привлекают внимание не только из-за своей редкости, но и потому что люди, умеющие расширить унаследованное дело, пользуются двойным авторитетом: авторитет их предков умножается уважением к ним самим. Такие «патриции», как иногда именуют их люди, не понимающие разницы между сословным и капиталистическим обществом, часто совмещают в себе воспитание, утончённость вкуса и изящество манер с умением и изобретательностью энергичного бизнесмена. Некоторые из них принадлежат к самым богатым предпринимателям страны и даже мира.

Именно положение этих немногих, но самых богатых среди так называемых «патрицианских» семей мы должны проанализировать, чтобы объяснить один феномен, играющий важную роль в современной антикапиталистической пропаганде и её измышлениях.

Даже в удачливых семьях качества, требуемые для успешного ведения большого бизнеса, не наследуются всеми сыновьями и внуками. Как правило, этими качествами обладают в каждом поколении один, в лучшем случае, два члена семьи. Для сохранения благосостояния семьи важно поручить ведение дел этим людям, остальные члены семьи будут при этом сведены

---

³ В Европе до настоящего времени была ещё одна возможность обезопасить богатство от нерадивости или причуд владельца. Состояние, приобретённое на рынке, могло быть вложено в большие земельные владения, защищённые от конкуренции протекционистскими тарифами и другими законными мерами предосторожности. Передающиеся по наследству без права отчуждения поместья в Великобритании и аналогичные владения на континенте исключали возможности их хозяев распорядиться своей собственностью во вред наследникам.

до положения простых получателей доли прибыли. Формы таких договоров различны в зависимости от национальных и местных законодательств. Действия их всегда одинаковы. Они делят семью на две группы: тех, кто занят ведением дел, и тех, кто этим не занимается.

Вторая категория состоит, как правило, из людей, тесно связанных с первой, которую мы предлагаем называть «хозяева». Во вторую категорию входят родные и двоюродные братья «хозяев», племянники, сёстры, овдовевшие свояченицы и золовки, двоюродные сёстры, племянницы и т. д. Назовём их «кузенами».

«Кузены» извлекают свои доходы из фирмы или корпорации. Им совершенно чужд бизнес и они не знают проблем, стоящих перед предпринимателем. Они воспитывались в престижных интернатах и колледжах, где царит дух высокомерного презрения к примитивному «деланию денег». Некоторые из «кузенов» проводят время в ночных клубах и других увеселительных заведениях, на скачках, играют в азартные игры, кутят или предаются дорогостоящему разврату. Другие любительски занимаются живописью, писательством, иными видами искусства. Одним словом, большинство из них – праздные и никчёмные люди.

Конечно, всегда были и есть исключения из этого правила, и достижения отдельных выдающихся представителей группы «кузенов» значительно перевешивают скандальные чудачества их менее одарённых родственников – повес и транжиров. Многие известные писатели, учёные и государственные деятели были как раз такими «джентльменами без определённых занятий». Освобождённые от необходимости зарабатывать себе на жизнь каким-либо полезным занятием и независимые от чьей-либо милости, они становятся распространителями новых идей. Другие, не обладая сами творческой способностью, становятся меценатами художников, которые не могли бы ничего создать, если бы не получали финансовой поддержки и одобрения ценителей. Неоднократно подчёркивалась роль, которую сыграли в интеллектуальном и политическом развитии Вели-

кобритании состоятельные люди. Среда, в которой обитали и находили поддержку художники во Франции XIX века, была также *le monde*, «общество».

Однако нас не интересует ни беспутная жизнь богатых повес, ни заслуги других групп состоятельных людей. Наша тема – роль, которую сыграла определённая часть «кузенов» в распространении учений, направленных на уничтожение рыночной экономики.

Многие «кузены» убеждены, что с ними поступили несправедливо, юридически закрепив их зависимость от «хозяев» и семейной фирмы. Неважно, продиктовано ли соответствующее соглашение волей отца или деда, подписано ли оно самими «кузенами» – они убеждены, что получают слишком мало, а «хозяева» – слишком много. Незнакомые с природой бизнеса и рынка, они уверены – вслед за Марксом, – что капитал автоматически «приносит доход». Они не видят основания для того, чтобы члены семьи, занимающиеся ведением дел, получали больше их. Не удосуживаясь разобраться в балансах и счетах прибылей и убытков, они подозревают в каждом действии «хозяев» зловещий умысел и стремление обмануть их, лишив того, что принадлежит им по праву рождения. Отсюда – постоянные распри с «хозяевами».

Неудивительно, что «хозяева» часто теряют терпение. Они горды сознанием того, что сумели преодолеть препятствия, которые воздвигают на пути большого бизнеса правительство и профсоюзы. Они прекрасно знают, что без их предприимчивости и энергии фирма давно развалилась бы или семье пришлось бы всё распродать с молотка. Они считают, что «кузены» обязаны отдавать должное их заслугам и поэтому находят их претензии нелепыми и оскорбительными.

Семейные распри между «хозяевами» и «кузенами» касаются только членов клана.⁴ Но они выходят за пределы семейных отношений, когда «кузены», дабы посильнее досадить

⁴ «Лимузины с шофёрами, одетыми в ливреи, подвозили серьёзных дам к линии пикета, иногда для участия в забастовке против того самого бизнеса, который давал средства, на которые содержались сами лимузины». Eugene Lyons, *The Red Decade*, New York, 1941, стр. 186.

«хозяевам», примыкают к антикапиталистическим группировкам и финансируют различные «прогрессивные» мероприятия. «Братья» с удовольствием поддерживают забастовки даже на тех заводах, которые являются источником дохода для них самих.

Хорошо известно, что большинство «прогрессивных» журналов и многие «прогрессивные» газеты полностью зависят от субсидий, щедро поставляемых «кузенами». Они финансируют прогрессивные университеты и институты «социальных исследований», а также деятельность различных коммунистических партий. В качестве такого рода «гостинных социалистов» и «салонных большевиков» они играют важную роль в «пролетарской армии», борющейся против «мрачной капиталистической системы».

Коммунизм на Бродвее и в Голливуде

Многие из тех, кому капитализм обеспечил приличный доход и досуг, стремятся к развлечениям. Толпы зрителей устремляются в театры. Большие средства вкладываются в шоу-бизнес. Доходы популярных актёров и драматургов исчисляются шестизначными цифрами. Они живут в напоминающих дворцы домах с бассейнами. Они меньше всего похожи на «людей, живущих впроголодь». И, тем не менее, именно Голливуд и Бродвей, всемирно известные центры индустрии развлечения, являются рассадниками коммунизма, фанатичных приверженцев советской системы можно найти среди писателей и актёров.

Предпринималось немало попыток объяснить это явление. В каждом из объяснений есть доля правды. Однако ни одно из них не учитывает основной причины, толкающей героев сцены и экрана в ряды революционеров.

При капитализме материальный успех зависит от того, как будет оценено конкретное достижение человека всемогущим потребителем. В этом смысле между услугами, оказываемыми

промышленником или продюсером, актёром, драматургом, нет существенного различия. Но осознание своей зависимости от публики не даёт людям, занятым в шоу-бизнесе, такой уверенности в завтрашнем дне, какую испытывает промышленник, поставляющий потребителю нечто более осязаемое. Производитель материальных товаров знает, что его товар покупается благодаря некоторым физическим качествам. Он вполне уверен, что его товар будет и впредь пользоваться спросом, пока потребителю не предложат что-нибудь лучше и дешевле, так как маловероятно, чтобы потребности, удовлетворяемые данным товаром, изменились в ближайшем будущем. Дальновидный предприниматель может в какой-то степени предсказать спрос на товары. Он может смотреть в будущее с определённой уверенностью.

В индустрии развлечений дело обстоит иначе. Люди жаждут развлечений, потому что им скучно. А ничто не наводит такой скуки, как приевшиеся развлечения. Сущность индустрии развлечений в разнообразии. Клиент восхищается больше всего новым и поражающим. Он капризен и непредсказуем. Что вчера вызывало восторг, сегодня вызывает презрение. Звёзды сцены или экрана всегда живут в страхе перед своеобразием публики. Они однажды просыпаются богатыми и знаменитыми, а на другой день уже забыты. Они прекрасно сознают, что целиком зависят от капризов толпы, жаждущей развлечений, и поэтому всегда испытывают беспокойство. Как ибсеновский архитектор, они боятся пока ещё неизвестных новичков, энергичной молодёжи, которая оттеснит их и переманит к себе публику.

Ясно, что устранить причину этого беспокойства невозможно, поэтому такие люди готовы хвататься за соломинку. Коммунизм, думают они, принесёт им освобождение. Разве эта система не делает человека счастливым? Разве не заявляют выдающиеся люди во всеуслышание, что все беды человечества порождены капитализмом и исчезнут с приходом коммунизма? Да и разве сами они не люди труда, товарищи всех трудящихся?

Можно предположить, что никто из голливудских или бродвейских коммунистов никогда не изучал работ социалистических идеологов, а тем более серьёзно не знакомился с исследованиями рыночной экономики. Но именно данное обстоятельство даёт этим блестящим танцовщицам и певицам, писателям и постановщикам комедий, продюсерам фильмов и авторам песен странную иллюзию, что мучающие их заботы и печали исчезнут, стоит только экспроприировать экспроприаторов.

Многие критикуют капитализм за низкопробность произведений, предлагаемых индустрией развлечений. Это утверждение не лишено оснований. Но важно отметить, что ни одна социальная группа так не ратовала за поддержку коммунизма, как люди, занятые в производстве этих самых низкопробных пьес и фильмов. Когда будущий историк станет искать те маленькие, но значительные факты, которые И. Тэн высоко ценил как исходный материал, он должен обязательно упомянуть ту роль, которую сыграла в американском движении радикалов самая известная в мире артистка стриптиза.⁵

---

⁵ Lyons E., там же., стр. 293.

II. Социальная философия простого человека

Капитализм как он есть и как его видит простой человек

Возникновение экономики как новой отрасли знания явилось одним из самых значительных событий в истории человечества. Открыв дорогу частному капиталистическому предпринимательству, оно в течение нескольких поколений преобразовало человеческую жизнь более радикально, чем все предшествующие 10 тысячелетий вместе взятые. Со дня появления на свет и до последнего дня жизни люди, живущие при капитализме, каждую минуту ощущают пользу, приносимую им гениальными достижениями капиталистического образа мышления и действия.

Самое удивительное во всём этом дотоле невиданном преобразовании материальных условий, порождённом капитализмом, это то, что оно было осуществлено небольшим числом писателей и почти столь же малым числом государственных деятелей, усвоивших их учения. Не только аморфные массы, но и большинство бизнесменов, которые благодаря своей деятельности претворили в жизнь принципы свободы, не сумели понять основные черты этой акции. Даже в период расцвета либерализма очень немногие полностью разобрались, как действует рыночная экономика. Западная цивилизация приняла капитализм по рекомендации малочисленной элиты.

В первые десятилетия XIX века многие люди рассматривали непонимание данных проблем как серьёзный недостаток и стремились ликвидировать его. В период между Ватерлоо и Севастополем никакая литература не пользовалась таким спросом в Великобритании, как экономические трактаты. Но скоро

мода на них прошла. Тема оказалась недоступна обычному читателю.

Экономика настолько отличается от естественных и прикладных наук, с одной стороны, и от истории и юриспруденции, с другой, что она способна отпугнуть при первом знакомстве. Учёные, проводящие исследования в лабораториях, архивах и библиотеках, с подозрением смотрят на её эвристическое своеобразие. Эпистемологическая оригинальность кажется ограниченным фанатикам позитивизма абсурдной, лишённой смысла. Людям хочется отыскать в книге по экономике знания, которые удобно вписались бы в заранее сформированный образ экономики, какой она должна быть, то есть дисциплины, построенной по образцу логической структуры физики или биологии. При столкновении же с предметом экономики они приходят в полную растерянность и отказываются ломать голову над проблемой, анализ которой требует серьёзного умственного напряжения.

Не сумев понять проблемы, люди приписывают все улучшения экономических условий прогрессу естественных наук и технологий. По их мнению, всей истории человечества свойственна самодействующая тенденция поступательного движения экспериментальных естественных наук и их применения в решении технологических проблем. Эта тенденция непобедима, она внутренне присуща судьбе человечества и проявляется независимо от политической и экономической организации общества. По их мнению, невиданный технологический прогресс последних двух сотен лет не является результатом последовательной политики. Он никак не связан ни с классическим либерализмом, ни со свободой торговли и предпринимательства, ни с капитализмом. И, следовательно, он будет продолжаться при любой другой системе экономической организации общества.

Учение Маркса получило поддержку просто потому, что оно приняло эту широко распространённую интерпретацию событий и облекло её в псевдофилософскую форму, сделав себя, таким образом, приемлемым и для спиритуалистов-гегельян-

цев и для грубых материалистов. В марксовой схеме «материальные производительные силы» – это некая надчеловеческая сущность, независимая от воли и деятельности индивидуумов. Она развивается сама по себе подчиняясь, указаниям невидимой, но всемогущей силы. Она изменяется по каким-то таинственным законам и заставляет человечество приспособлять социальную организацию к этим изменениям, ибо материальные производительные силы боятся только одного: оказаться скованными социальной организацией. Основное содержание истории составляет борьба материальных производительных сил за освобождение от связывающих их общественных оков.

Когда-то, учит Маркс, материальные производительные силы воплощались в ручной мельнице, и они организовали жизнь человека по модели феодализма. Позже, когда невидимые законы, определяющие развитие производительных сил, заменили ручную мельницу паровой, феодализм уступил место капитализму. С тех пор материальные производительные силы продолжали своё развитие, и их современное состояние настойчиво требует смены капитализма социализмом. Те, кто пытается остановить социалистическую революцию, решают безнадежную задачу. Бессмысленно воздвигать препятствия на пути исторического прогресса.

По своим идеям так называемые левые партии во многом отличаются друг от друга. Но в одном они едины. Они считают материальный прогресс саморазвивающимся процессом. Член американского профсоюза принимает свой уровень жизни как должное. Судьба распорядилась так, что он имеет возможность пользоваться благами, которые были недоступны даже самым состоятельным людям предшествующих поколений, и до сих пор недоступны живущим за пределами Америки. Ему и в голову не приходит, что «крайний индивидуализм» большого бизнеса вполне мог сыграть определённую роль в появлении так называемого «американского образа жизни». В его глазах «администрация» – это воплощение непомерных претензий «эксплуататоров», которые мечтают только о том, чтобы урезать его законные права. В ходе исторического развития, счи-

тает он, действует непреодолимая тенденция к постоянному повышению «производительности» его труда. Плоды этого совершенствования по праву принадлежат только ему. И именно его заслуга, если – в эпоху капитализма – показатель ценности продуктов, изготовляемых обрабатывающей промышленностью, делённый на количество занятых в производстве рук, обнаруживал тенденцию к увеличению.

На самом деле увеличение так называемой производительности труда явилось следствием использования более совершенного оборудования. Сотня рабочих на современном заводе производит за единицу времени продукции во много раз больше, чем сотня рабочих в цехах докапиталистической эпохи. Этот прогресс обусловлен не более высоким мастерством или большим усердием современных рабочих (известно, что умение, требовавшееся от средневекового кустаря, намного превосходило мастерство многих категорий современных заводских рабочих). Прогрессом мы обязаны использованию более совершенных инструментов и станков, что, в свою очередь, является результатом накопления и вложения больших сумм капитала в производство.

Термины «капитализм», «капитал», «капиталист» использовались Марксом и используются сегодня многими – включая официальную пропаганду правительства США – с уничижительным оттенком. Однако эти слова неизменно указывают на основной фактор, действие которого как раз произвело все эти удивительные успехи последних двух сотен лет небывалое повышение среднего уровня жизни все увеличивающегося населения. Современное состояние промышленности в капиталистических странах отлично от состояния её в докапиталистический период, а также от условий в так называемых слаборазвитых странах количеством имеющегося в распоряжении капитала. Невозможно воплотить в жизнь никакие технологические усовершенствования, если требуемый капитал предвительно не накоплен путём сбережений.

Сбережение, накопление капитала – это то средство, которое шаг за шагом преобразовало неумелые поиски пищи пе-

щерным человеком в современное промышленное производство. Начало этому развитию положили идеи, составившие те организационные рамки, в которых накопление капитала было раз и навсегда защищено принципом частной собственности на средства производства. Любой шаг вперёд по пути к преуспеванию является результатом сбережения средств. Самые хитроумные технологические изобретения были бы практически бесполезны, если не были прежде накоплены средства производства, требуемые для их использования.

Предприниматели используют поставляемые им средства производства для наиболее экономичного удовлетворения самых насущных из ещё неудовлетворённых нужд потребителей. Вместе с технологами, цель которых – усовершенствование процесса обработки, и с теми, кто предоставляет сбережения, они играют активную роль в процессе, называемом экономическим прогрессом. Остальные только пользуются плодами деятельности этих трёх групп первопроходцев. Каковы бы ни были иные заслуги, они только пожинают плоды тех преобразований, в осуществление которых не внесли никакого вклада.

Характерная черта рыночной экономики в том, что результатами усилий трёх прогрессивных классов – тех, кто сберегает, накапливает, тех, кто вкладывает накопленное в средства производства, и тех, кто вырабатывает новые методы использования этих средств, – она делится с непрогрессивным большинством народа. Накопление капитала, опережая рост населения, с одной стороны, поднимает производительность труда, а с другой – удешевляет производство. Рыночный процесс даёт простому человеку возможность пользоваться плодами чужого труда. Он заставляет представителей всех трёх прогрессивных классов наилучшим образом обслуживать непрогрессивное большинство.

Каждый может войти в состав трёх производительных классов капиталистического общества, ибо они не являются закрытыми кастами. Принадлежность к ним не является привилегией, предоставляемой какой-либо высшей властью или унаследованной от предков. Эти три класса – не клубы, и они

не преграждают путь новичкам. Чтобы стать капиталистом, предпринимателем или изобретателем новых технологий нужны лишь ум и сила воли. Наследник состоятельного человека пользуется некоторым преимуществом, так как он начинает в более благоприятных условиях, чем остальные. Но его задача в преодолении рыночной конкуренции не только не проще, но иногда труднее, а деятельность менее выгодна, чем у новичка. Ему приходится реорганизовать унаследованное от предшественников предприятие, чтобы приспособить его к изменившейся рыночной конъюнктуре. Так, например, проблемы, которые приходилось решать потомку «короля» железных дорог, были в последние десятилетия сложнее, чем проблемы человека, начинавшего с нуля в перевозках грузовиками или самолётами.

Популярная философия простого человека самым плачевным образом искажает эти факты. Дж. Дьюи, например, считает, что все новые отрасли промышленности, которые предоставляют человеку блага, неизвестные его предкам, созданы неким благодетелем по имени «Прогресс». А накопление капитала, предпринимательство и технологические изобретения не сыграли никакой роли в таком самопородившемся благосостоянии. Если кто-то и способствовал повышению производительности труда, так это рабочий на конвейере. Но, к сожалению, в этом грешном мире существует эксплуатация человека человеком. Большой бизнес снимает пенки и оставляет, как утверждает «Коммунистический манифест», создателю всех благ, то есть рабочему, только то, что «требуется для пропитания и для продолжения рода». Следовательно, «современный рабочий, с прогрессом не поднимается, а всё более опускается... Рабочий становится паупером, и пауперизм растёт ещё быстрее, чем население и богатство». Авторы этого описания капиталистического производства превозносят в университетах как величайших философов и благодетелей человечества, а их учение принимается с почтением миллионами людей, в чьих квартирах среди прочих современных удобств можно увидеть радио и телевизор.

Самым безжалостным эксплуататором является большой бизнес, утверждают профессора, «рабочие» лидеры и политики. Они не хотят понять, что отличительная черта большого бизнеса – как раз массовое производство для удовлетворения нужд широких масс. При капитализме сами рабочие прямо или косвенно являются основными потребителями продукции, выпускаемой их же заводами.

На заре капитализма существовал значительный временной разрыв между возникновением новшества и его доведением до широких масс. Ещё 60 лет назад Габриель Тард справедливо отмечал, что любая промышленная новинка сначала является роскошью для меньшинства и лишь потом превращается во всеобщую потребность: то, что поначалу рассматривалось как нечто необычное, позже становится повседневной вещью для всех без исключения. Это утверждение совершенно справедливо и в отношении автомобиля. Но массовое производство автомобилей большим бизнесом сократило и почти вовсе ликвидировало временной разрыв. Современные новшества прибыльны только при условии их массового производства и поэтому становятся доступны всем сразу же после их практического внедрения. Так, в США не наблюдалось периода, когда пользование такими изобретениями как телевизор, нейлоновые чулки, детское питание было бы ограничено меньшинством лишь самых обеспеченных людей. Большой бизнес стремится к тому, чтобы поскорее стандартизировать способы потребления и развлечения широких масс.

При рыночной экономике никто не бедствует только потому, что есть очень состоятельные люди. Богатство имущих не является причиной чьей-либо бедности. Процесс, делающий людей богатыми, напротив, является следствием процесса, совершенствующего способы удовлетворения людских потребностей. Предприниматель, капиталист, технолог преуспевает только до тех пор, пока он способен наилучшим образом удовлетворять спрос потребителя.

Антикапиталистический фронт

С самого начала социалистического движения и попыток возродить интервенционистскую политику докапиталистического времени и социализм и интервенционизм были безнадежно дискредитированы в глазах всех, кто был знаком с экономической теорией. Но идеи революционеров и реформаторов встретили одобрение у огромных масс невежественных людей, движимых самыми сильными из человеческих страстей: завистью и ненавистью.

Социальная философия Просвещения подготовила почву для осуществления программы либерализации: для экономической свободы, завершившей своё развитие в рыночной экономике (капитализме) с её конституциональным следствием – представительным правительством. Но она не требовала уничтожения трёх сил: монархии, аристократии и церкви. Европейские либералы стремились заменить королевский абсолютизм парламентарной монархией. Они хотели отменить привилегии аристократии, но не лишать её титулов, гербов и поместий. Они жаждали предоставить всем свободу совести и прекратить преследования инакомыслящих и еретиков, но вместе с тем дать всем церквям и сектам возможность исповедовать свои духовные идеалы. Таким образом, все три основные силы старого режима были сохранены. Можно было вполне ожидать, что принцы, аристократы и клерикалы, неутомимо проповедующие консерватизм, встретят в штыки попытки социалистов посягнуть на основные достижения западной цивилизации. Кроме того, глашатаи социализма не скрывали, что при социалистическом тоталитаризме нет места для того, что они называли пережитками тирании, неравенства и предрассудков.

Но даже в этих привилегированных группах обида и зависть взяли верх над трезвой логикой. Они, по существу, объединились с социалистами, закрыв глаза на то, что социализм предусматривает в числе прочего конфискацию их собственных поместий, и что тоталитаризм исключает религиозную

свободу. Гогенцоллерны в Германии начали проводить политику, которую один клерикальный обозреватель обозначил как монархический социализм.⁶ Самодержцы России, Романовы, заигрывали с профсоюзами, чтобы использовать их как оружие в борьбе против попыток «буржуазии» установить представительное правительство.⁷ Во всех европейских странах аристократы практически сотрудничали с врагами капитализма. Видные теологи пытались дискредитировать систему свободного предпринимательства и, таким образом, по существу, поддерживали и социализм, и радикальный интервенционизм. Некоторые известные лидеры современного протестантства – Барт и Бруннер в Швейцарии, Нибур и Тиллих в США и ныне покойный архиепископ Кентерберрийский Уильям Темпл – открыто осуждают капитализм и даже считают «несостоятельность капитализма» ответственным за все эксцессы русского большевизма.

Не исключено, что был прав В. Харкерт, заявивший более 60-ти лет тому назад: «Мы теперь все социалисты». Но ясно одно: сегодня различные правительства, политические партии, преподаватели и писатели, воинствующие атеисты и христианские богословы почти единодушны в своём страстном отрицании рыночной экономики и в восхвалении тех преимуществ, которые якобы предоставляет всемогущество государства. Подрастающее поколение воспитывается в атмосфере, пропитанной социалистическими идеями.

Влияние просоциалистической идеологии наглядно прослеживается в том, как, почти без исключений, общественное мнение объясняет причины, побуждающие людей присоединяться к социалистической и коммунистической партиям. Говоря о внутренней политике, принято считать, что неимущие классы «естественно и неизбежно» сочувствуют радикальным программам: планированию, социализму и коммунизму, и только люди состоятельные имеют основания голосовать за

---

⁶ Elmer Roberts, *Monarchical Socialism in Germany*, New York, 1913.

⁷ Mania Gordon, *Workers Before and After Lenin*, New York, 1941, стр. 30.

сохранение рыночной экономики. Это утверждение принимает постулат социалистов, что при капитализме экономические интересы масс попираются в угоду «эксплуататорам», что социализм обязательно повысит уровень жизни простого человека.

Однако люди не потому хотят социализма, что *знают*, социализм улучшит их жизнь, – и не потому отвергают капитализм, что *знают*: эта система враждебна их интересам. Они – за социализм, потому что *верят*: при социализме жизнь будет лучше, – и ненавидят капитализм, *считая*, что он враждебен им. Они потому и социалисты, что ослеплены завистью и невежеством. Они упорно отказываются изучать экономику и не желают ничего знать о сокрушительной критике, которой экономисты подвергли социалистические планы. В их глазах экономика, будучи абстрактной теорией, ничего не стоит. Они, социалисты, доверяют только опыту. Но при этом упрямо отказываются признать такие неоспоримые факты, как, например, то, что в капиталистической Америке уровень жизни обычного человека несравненно выше, чем в советском социалистическом раю.

Говоря о положении в экономически отсталых странах, люди обнаруживают столь же ошибочные рассуждения. Им кажется, что эти народы должны «естественно» сочувствовать коммунизму уже только потому, что они живут в нищете. Нет сомнения в том, что живущие бедно нации стремятся покончить с нищетой. Желая улучшить свои неудовлетворительные условия, они должны, следовательно, принять такую систему экономической организации общества, которая надёжнее всего обеспечила бы им достижение этой цели: поэтому логично было бы выбрать капитализм. Однако сбитые с толку лживыми антикапиталистическими идеями, они оказываются предрасположенными к коммунизму. Весьма парадоксально, что лидеры народов Востока, с завистью глядя на процветание западных наций, в то же время отвергают именно те принципы, которые позволили Западу стать процветающим, и восхищаются русским коммунизмом, который держит саму Россию и её сателлитов в бедности. Ещё более парадоксально, что амери-

канцы, пользуясь плодами капиталистического большого бизнеса, превозносят советскую систему и считают совершенно «естественным», чтобы полуголодные народы Азии и Африки предпочли капитализму коммунизм.

Можно спорить о том, следует ли каждому серьёзно изучать экономику. Но одно не вызывает сомнения: человек, который публично рассуждает или пишет о различии между капитализмом и социализмом, не познакомившись предварительно со всеми экономическими данными по этому вопросу, всего лишь безответственный демагог.

III. Литература при капитализме

Рынок литературной продукции

Капитализм даёт многим возможность проявить инициативу. В то время как сословное общество предписывает каждому неизменный определённый круг занятий и не потерпит отклонения от традиционных норм поведения, капитализм поощряет новатора. Прибыль будет наградой тому, кто сумел успешно преодолеть рутинные способы выполнения своих задач, а убыток – наказанием тому, кто инертно повторяет устаревшие методы. Индивидууму даётся возможность показать, что он умеет делать лучше других.

Однако свобода индивидуума ограничена. Она является порождением рыночной демократии и, стало быть, зависит от того, как оценит достижения индивидуума всемогущий потребитель. На рынке ценится не то, что выполнено хорошо, но только то, что признано выполненным хорошо, причём признано достаточным числом покупателей. Если потенциальные покупатели по каким-либо причинам не оценили продукцию по достоинству, то сколь высокого качества она бы ни была, все заботы и расходы придётся считать напрасными.

Капитализм по своей сути – это система массового производства для удовлетворения потребностей масс. Товары льются на простого человека словно из рога изобилия. Капитализм поднял средний уровень жизни на недостижимую прежде высоту. Он позволил миллионам людей пользоваться благами, которые несколько поколений тому назад были доступны только немногочисленной элите.

Наглядный пример – развитие широкого рынка для всех видов литературы. Литература – в самом широком смысле – товар, потребляемый миллионами. Они читают газеты, журналы, книги, слушают радио, составляют театральную публику. Пи-

сатели, режиссёры, актёры, нравящиеся публике, имеют приличные доходы. В рамках общественного разделения труда при капитализме возникло новое подразделение – литераторы, то есть люди, живущие литературным трудом. Эти писатели продают свои услуги или плоды своего труда на рынке точно так же, как это делают другие специалисты. Благодаря лишь одному умению писать они прочно интегрированы общей системой рыночного общества.

В докапиталистический период писательство было неприбыльным делом. Заработать на жизнь могли кузнецы и сапожники, но не писатели. Писательство было свободным искусством, увлечением, а не профессией, благородным занятием богатых людей, королей, грандов, государственных мужей, аристократов и других джентльменов с независимым доходом. В свободное время писали епископы и монахи, преподаватели университетов и военные. Человек, не имеющий средств, но испытывающий неодолимую потребность писать, должен был прежде обеспечить себе источник дохода и лишь потом браться за перо. Так, Спиноза шлифовал линзы. Оба Милля, сын и отец, работали в лондонском офисе Ост-Индской Компании. Но большинство неимущих писателей существовали благодаря щедрости богатых покровителей искусства и науки. Короли и принцы соперничали друг с другом в том, кто щедрее одарит поэта и писателя. Двор был прибежищем литературы.

Установлено, что система покровительства предоставляла писателям полную свободу самовыражения. Покровители не навязывали своим подопечным собственную философию, свои вкусы или эстетические взгляды. Они даже часто защищали их от преследования церковных властей. Наконец, если писателя изгоняли из одного места, у него всегда оставалась возможность найти приют при дворе монарха, соперничающего с его бывшим патроном.

Однако положение философов, историков, поэтов, вынужденных передвигаться от одного двора к другому и зависящих целиком от милости тирана, было не очень приятным. Либералы с самого начала приветствовали развитие рынка ли-

тературной продукции как неотъемлемую часть процесса, который освободит человека от опеки королей и аристократов. Отныне, думали они, решающим будет мнение образованных людей. Перспективы казались весьма радужными. Казалось, что вот-вот наступит новый расцвет.

Успех на книжном рынке

Однако и здесь всё оказалось не столь уж безоблачным.

Литература – это не конформизм, это всегда несогласие с общепринятым. Писатели, которые повторяют лишь то, что одобряют и ожидают услышать все, никому не нужны. Ценится только новатор, бунтарь, глашатай ещё неведомых истин, человек, отрицающий традиционные нормы и стремящийся заменить прежние ценности и идеи новыми. Уже только поэтому он настроен против авторитарности и против правительства, непримиримо противопоставлен большинству современников. И именно его книги большая часть публики не покупает.

Что бы ни говорили о Марксе или Ницше, нельзя отрицать, что посмертный успех их работ был небывалым. Однако они оба умерли бы от голода, если бы не имели других источников дохода, кроме гонорара. Бунтарю и новатору не приходится мечтать о сбыте своих книг на обычном рынке.

Королём на книжном рынке является беллетрист, пишущий для масс. Было бы ошибкой утверждать, что покупатель неизменно предпочитает плохие книги хорошим. Он не особенно разборчив и, следовательно, готов проглотить иногда и хорошую книгу. Безусловно, большая часть романов и пьес, печатаемых сегодня, это просто чтиво. Да и чего ещё можно ожидать, если каждый год пишутся тысячи томов? И всё же наш век тоже можно было бы со временем назвать веком расцвета литературы, если бы хоть одна из тысячи издаваемых книг смогла сравниться по качеству с великими произведениями прошлого.

Многие критики обвиняют капитализм в упадке литературы. Скорее им следует пенять на своё неумение отличать бе-

лое от чёрного. Да и могут ли они считать себя более пронизательными, чем, скажем, их предшественники сто лет назад? Сегодня, к примеру, критики очень высоко отзываются о Стендале. Но в 1842 году он умер, так и оставшись неизвестным и непонятым современниками.

Капитализм сумел сделать массы достаточно состоятельными, чтобы они могли покупать книги и журналы. Но он не вправе требовать от них утонченности вкуса, какой обладал Меценат и подобные ему. В том, что обычный человек не способен оценить необычную книгу, капитализм не виноват.

Заметки о детективных историях

Век, в котором радикальное антикапиталистическое движение достигло невиданной, казалось бы, силы, породил новый литературный жанр, – детектив. Поколение англичан, которое своими голосами привело лейбористов к власти, восхищалось такими авторами, как Эдгар Уоллес. Один из известных британских писателей социалистов Дж. Коул не менее известен как автор детективов. Последовательный марксист назвал бы детектив – быть может, вкупе с голливудскими лентами, комиксами и стриптизом – художественной надстройкой эпохи профсоюзов и социализации.

Многие историки, социологи и психологи пытались объяснить популярность этого странного жанра. Наиболее глубокие исследования принадлежат проф. В. О. Эйделотту. Он совершенно справедливо утверждает, что историческая ценность детективов в том, что они описывают мечты наяву и, таким образом, очень много говорят о людях, увлекающихся этим жанром. Верна и его мысль о том, что читатель отождествляет себя с детективом, а значит, как бы делает его продолжением своего Я.⁸

Допустим, что читатель – это индивидуум, не сумевший

---

⁸ См. Willam O. Aydelotte, *The Detective Story as a Historical Source* (The Yale Review, 1949), Vol. XXXIX, стр. 76–93.

осуществить то, к чему его побуждало честолюбие и поэтому человек разочарованный. Как уже говорилось, он сможет утешиться, обвинив несправедливость капиталистической системы. Он потерпел поражение, потому что был честен и законопослушен. Его более удачливые соперники выдвинулись благодаря своей бесчестности, они прибегли к грязным махинациям, которые он, сознательный и непогрешимый, даже не мог бы вообразить. Если бы только люди знали, как бесчестны эти зазнавшиеся выскочки! К несчастью, их преступления скрыты, и сами они пользуются незаслуженной репутацией. Но день расплаты придёт! Он, наш неудачник, сам сорвёт с них маску и разоблачит все их грязные дела.

Обычный ход событий в детективе следующий: человек, считающийся уважаемым и, казалось бы, неспособным на неприглядный поступок, совершает страшное преступление. Он вне подозрений. Но проницательного сыщика не проведёшь. Тот всё знает о подобных волках в овечьей шкуре. Он собирает улики против истинного виновника. Благодаря ему, правое дело, в конечном счёте, торжествует.

Разоблачение негодяя, выдающего себя за уважаемого гражданина, часто с подспудной антибуржуазной направленностью, являлось темой произведений и более высокого литературного уровня: например, у Г. Ибсена в «Столпах общества». Детектив снижает сюжет и вводит в него опошленный образ самодовольного сыщика, который находит удовольствие в том, что унижает человека, которого все считали безупречным гражданином. Побудительный мотив действий сыщика – подсознательная ненависть к удачливому «буржуа». Его коллегами-конкурентами выступают следователи из государственной полиции. Они все слишком неповоротливы и самовлюблены, чтобы решить задачу. Часто даже подразумевается, что они невольно симпатизируют виновнику. Детектив успешно преодолевает препятствия, которые ставит на его пути их нерасторопность. Его торжество – это поражение властей, принадлежащих к слою буржуазии и имеющих своими ставленниками нерадивых полицейских.

Вот почему детективы столь популярны у людей, страдающих от неудовлетворённого честолюбия (есть, конечно, и читатели другого сорта). Их тайная мечта – взять реванш над своим более удачливым соперником. Они мечтают дожидаться, когда «на руках преступника защёлкнутся наручники и полицейские уведут его». Это удовольствие доставляет читателю кульминация истории, в которой он отождествляет себя самого с детективом, а своего более удачливого соперника – с разоблачённым преступником.⁹

Свобода прессы

Свобода прессы – одна из основных черт нации свободных граждан. Она относится к главным пунктам в политической программе классического либерализма. Никому ещё не удавалось выдвинуть убедительные возражения против выводов, сформулированных в двух ставших классическими трудах – Джона Мильтона «Ареопагитика» (1644) и Джона Стюарта Милля «О свободе» (1859): вольная печать – живая кровь литературы.

Свободная пресса может существовать только при условии частного контроля над средствами производства. При социалистическом укладе, где все издания находятся в руках правительства, о свободной прессе не может быть и речи. Только правительство решает, кто имеет право писать и что должно издаваться.

По сравнению с тем положением, которое наблюдается сейчас в Советской России, даже царская Россия покажется

---

⁹ Показательна также необычайная популярность так называемых разоблачительных журналов, самое последнее изобретение американской прессы. Эти журналы целиком посвящены выявлению тайных пороков и неблагоприятных проступков высокопоставленных лиц, особенно миллионеров и знаменитостей экрана. По данным «Ньюсвик» (11 июля 1955), один из этих журналов определил количество проданных за сентябрь 1955 г. экземпляров в 33 миллионов. Не подлежит сомнению, что средний человек с удовольствием читает о подлинных или вымышленных грехах тех, кто выше его в социальной иерархии.

страной свободной прессы. Публично расправляясь с неудобными книгами, нацисты воплощали в жизнь одну из идей великого теоретика социализма Кабе.¹⁰

По мере продвижения к социализму писатели шаг за шагом теряют свободу. С каждым днём становится всё труднее издать книгу или статью, неудобную правительству или влиятельной группировке. Правда, «еретики» пока ещё не уничтожаются физически, и их книги в полном смысле слова не сжигаются Инквизицией. Не наблюдается возврата и к старой системе цензуры. Люди, взявшие на себя роль защитников прогресса, имеют в своём арсенале более надёжное оружие. Их основной метод расправы – бойкотирование авторов, редакторов, издателей, работников типографий, рекламы и даже читателей.

Каждый может воздержаться от чтения книг, газет журналов, которые ему не нравятся, и посоветовать другим сделать то же самое. Но совсем другое дело, когда человеку угрожают серьёзными репрессиями, если он не прекратит покровительствовать определённым изданиям или издателям. Во многих странах издатели газет и журналов живут в страхе перед возможностью бойкота со стороны профсоюзов. Поэтому они воздерживаются от открытого обсуждения определённых тем и молчаливо подчиняются диктату лидеров профсоюза.¹¹

Эти «рабочие» лидеры не потерпят насмешек в свой адрес, и в этом смысле они гораздо более обидчивы, чем члены императорских и королевских семей прошлого. Они шуток не поймут. Именно эта обидчивость делает «беззубыми» сатиру, комедию и музыкальную комедию официального театра, обрекает на бесплодие киноискусство.

При *ancien regime* во Франции театры имели возможность ставить и пьесы Бомарше, высмеивающие аристократию, и бессмертную оперу Моцарта. При Второй империи Оффенбах и Галеви в «Великой герцогине Герольштейнской» дали пародию

---

¹⁰ См. Cabet, *Voyage en Icarie*, Paris, 1848, стр. 12

¹¹ О системе бойкота, учреждённой католической церковью, см.: P. Blanshard, *American Freedom and Catholic Power*, Boston, 1949, стр. 194–198

на абсолютизм, милитаризм и придворную жизнь. Наполеон III собственной персоной и некоторые другие европейские монархи с удовольствием смотрели спектакли, представлявшие их в смешном виде. В Викторианской Англии цензор британских театров лорд Чемберлен не препятствовал постановке мюзиклов, высмеивающих все достопочтенные институты британской правительственной системы. И благородные лорды сидели в ложах, в то время как на сцене Граф Монтарарат пел: «Палата Пэров умом не блещет».

В наше время не может даже быть и речи о том, чтобы пародировать на сцене власть предрержащих. Недопустимо какое бы то ни было изображение профсоюзов, кооперативов, государственных предприятий, упоминание бюджетного дефицита и других особенностей государства всеобщего благоденствия. Профсоюзные лидеры и высшие чиновники – это святая святых. Удел же комедии – тот набор избитых тем, который делает столь пошлыми голливудские фарсы.

Фанатизм литераторов

При поверхностном взгляде на современную идеологию наблюдатель может не заметить, насколько фанатичны те, кто формирует общественное мнение, и насколько хитроумны махинации, заглушающие голос несогласных. До сих пор, по-видимому, нет единого мнения по поводу того, какие вопросы считать наиболее важными. Коммунисты, социалисты и интервенционисты, а также различные секты и школы этих партий борются друг с другом так остервенело, что внимание отвлекается от основных догм, по отношению к которым у них полное согласие. С другой стороны, те немногие независимые мыслители, которые отважились усомниться в этих догмах, по существу объявлены вне закона, и их идеи не доходят до читающей публики. Гигантская машина «прогрессивной» пропаганды и обработки сумела навязать свои запреты. На переднем плане сейчас нетерпимая к инакомыслию ортодоксия так называе-

мых «неортодоксальных» школ.

«Неортодоксальный» догматизм – это противоречивая и путаная смесь несовместимых друг с другом учений. Это эклектика в худшем виде, набор постулатов из застарелых заблуждений и ошибочных толкований. В ней есть мысли, выхваченные у многих социалистических авторов: «утопистов» и «научных марксистов», немецкой исторической школы, фабианцев, американских институционалистов, французских синдикалистов и технократов. Она повторяет старые ошибки Годвина, Карлейля, Рескина, Бисмарка, Сореля, Веблена и многих менее известных людей.

Общее для этих школ утверждение заключается в том, что бедность – результат несовершенных общественных институтов. Первородный грех, лишивший человечество счастливой жизни в садах Эдема, – это установление частной собственности. Капитализм на пользу только эгоистическим интересам наглых эксплуататоров. Он обрекает массы праведных людей на всё большее обнищание и упадок. Чтобы сделать людей счастливыми, надо только обуздать алчных эксплуататоров с помощью всемогущего бога, имя которому – Государства. На смену стимула «прибыль» должен придти стимул «служение». К счастью, считают подобные теоретики, никакие интриги и никакие репрессии со стороны защитников старых порядков не могут остановить реформу. Пришествие эпохи централизованного планирования неизбежно. Тогда будет всеобщее изобилие. Сторонники ускорения этого великого процесса преобразования называют себя «прогрессистами» именно потому, что убеждены, что борются за осуществление планов, реализация которых, с одной стороны, желательна сама по себе и, с другой, согласуется с непреложными законами исторического развития. Они полны презрения к реакционерам – к тем, кто всеми силами, но тщетно пытается остановить процесс, именуемый прогрессом.

Что касается догматической стороны, «прогрессисты» провозглашают определённый политический курс, который, по их утверждению, немедленно облегчит участь страдающих

масс. Они рекомендуют среди прочего: расширение кредитов, увеличение денежных сумм, находящихся в обращении, принятие закона о минимальной заработной плате и его проведение в жизнь под надзором и давлением правительства или профсоюзов, контроль над товарными ценами и арендными платежами и другие интервенционистские меры. Однако экономисты доказали, что все эти стандартные меры не дадут ожидаемого эффекта. Результаты, *даже с точки зрения* самих ратующих за воплощение таких мер, будут *ещё* более неудовлетворительными, чем прежнее состояние дел, изменить которое они были призваны. Следствием расширения кредитов будет возвращение экономических кризисов и периодов депрессии. Инфляция заставит подскочить цены на товары и услуги. Попытки добиться зарплаты более высокой, чем складывающаяся на свободном рынке, вызовут массовую безработицу на многие годы. Потолки цен повлекут за собой снижение поставок соответствующих товаров. Экономисты неоспоримо доказали все эти положения. Ни один псевдоэкономист из числа «прогрессистов» никогда не пытался их опровергнуть.

Основное обвинение, выдвигаемое «прогрессистами» против капитализма, заключается в том, что ему якобы внутренне присущи повторяемость кризисов и спадов, массовая безработица. Легко доказать, что эти явления, напротив, являются следствием попыток регулировать капитализм и, тем самым, будто бы улучшить условия жизни простого человека. На этом завершим характеристику идеологии «прогрессистов». Будучи неспособными выдвинуть какие-либо обоснованные возражения против учений экономистов, «прогрессисты» пытаются утаить их от людей, особенно от интеллектуалов и студентов. Любое упоминание этих ересей строго запрещено. Их авторов шельмуют повсеместно, а студентов всячески отговаривают читать их «бред».

Согласно догмам «прогрессистов», в обществе всегда есть группы, спорящие по поводу того, какая часть «национального дохода» принадлежит им. Имуций класс, то есть предприниматели и капиталисты, которых часто обозначают словом «управ-

ляющие», согласен уступить «труду» – рабочим и служащим – мизерную сумму, достаточную только для поддержания жизни. Труд, по вполне понятным причинам, недоволен скупостью «управляющих» и готов прислушаться к призывам радикалов, коммунистов, цель которых – полная экспроприация «управляющих». Однако большинство трудившихся достаточно умеренно во взглядах, чтобы не впасть в крайний радикализм. Они отвергают коммунизм и готовы довольствоваться менее радикальными мерами, чем полная конфискация «незаработанного» дохода. Их цель – умеренное решение планирование, создание государства всеобщего благоденствия, социализм. В этом споре интеллектуалы, которые якобы не принадлежат ни к тому, ни к другому лагерю, призваны выступать третейскими судьями. Профессора – представители науки, и писатели – представители литературы, должны избегать экстремизма обеих группировок: и тех, кто рекомендует капитализм, и тех, кто выступает за коммунизм. Их место – в стане умеренных. Они должны выступать за планирование, за государство всеобщего благоденствия и социализм, и поддерживать любые меры, направленные на то, чтобы обуздать алчность «управляющих» и не дать им злоупотреблять своей экономической властью.

Нет необходимости ещё раз детально анализировать ошибки и противоречия, характерные для подобного стиля мышления. Достаточно выделить три основных заблуждения.

Первое. Основной идеологический конфликт нашего времени – это не борьба за распределение «национального дохода». Это и не спор двух классов, каждый из которых стремился бы присвоить себе как можно большую долю из общей суммы, подлежащей распределению. Он заключается в споре по поводу того, какая система экономической организации общества лучше. Вопрос в том, какая из двух систем, капитализм или социализм, обеспечивает более высокую продуктивность человеческого труда, направленного на улучшение жизни. Итак, может ли социализм считаться заменой капитализма и возможна ли в условиях социализма вообще какая-либо рациональная производственная деятельность, то есть деятельность, основанная на

экономических расчётах. Фанатизм и догматизм социалистов проявляется в том, что они упрямо отказываются всерьёз вникать в эти проблемы. У них давно сложилось убеждение, что капитализм – худшее из зол, а социализм – воплощение всего хорошего. Любая попытка проанализировать экономические проблемы социалистического строя рассматривается как «посягательство на святыню». Поскольку условия жизни на Западе пока ещё не допускают физического уничтожения «святотатцев», как это делается в России, их попросту оскорбляют и очерняют, пытаются скомпрометировать их мотивы, и просто бойкотируют.¹²

Второе. Социализм и коммунизм с экономической точки зрения не различаются. Оба термина обозначают одну и ту же систему экономической организации общества, предполагающую общественный контроль над всеми средствами производства в отличие от системы частного управления ими, то есть капитализма. Оба термина, социализм и коммунизм, синонимичны. Документ, который все марксистские социалисты считают незыблемой основой своей веры, называется Коммунистическим манифестом. С другой стороны, официальное название коммунистической русской империи – Союз Советских Социалистических Республик (СССР).¹³

Антагонизм между сегодняшними социалистическими и коммунистическими партиями не распространяется на вопрос о конечной цели их политики. Он касается, главным образом, стремления русских диктаторов подчинить себе как можно больше стран и в первую очередь – Соединённые Штаты Америки. Другой спорный вопрос, должен ли общественный контроль над производительными средствами устанавливаться конституционным путём или же насильственным свержением

---

¹² Последние два утверждения не распространяются разве что на трёх-четырёх авторов-социалистов нашего времени, которые – правда, несколько запоздало и без особого успеха – начали изучать экономические проблемы социализма. В отношении всех других социалистов от самого зарождения социалистических учений до настоящего времени всё сказанное справедливо.

¹³ О попытке выявить различие между социализмом и коммунизмом см. Mises, *Planned Chaos*, Irvington-on-Hudson. 1947. стр. 44-46.

находящегося у власти правительства.

Термины «плановое хозяйство» и «государство всеобщего благоденствия» означают на языке экономистов и политиков не что иное, как конечную цель социализма и коммунизма. Введение планового хозяйства означает замену планов отдельных граждан государственным планированием. Предприниматели и капиталисты будут лишены возможности использовать свой капитал по собственному усмотрению и вынуждены будут безоговорочно подстраиваться под планы центральных планирующих органов. Это равносильно передаче правительству контроля, осуществляемого предпринимателями и капиталистами.

Следовательно, было бы серьёзной ошибкой рассматривать социализм, плановое хозяйство, государство всеобщего благоденствия, как такое решение вопроса об экономической организации общества, которое можно было бы охарактеризовать как «менее абсолютное», «менее радикальное». Социализм и планирование не являются чем-то противоречащим коммунизму, вопреки распространённому мнению. Социалист более умерен, чем коммунист, разве что в том, что он не передаёт секретные документы своей страны русским агентам и не замышляет покушения на буржуа, настроенного против коммунизма. Это само по себе довольно существенное различие. Но оно никоим образом не распространяется на конечную цель политической деятельности.

Третье. Капитализм и социализм – это две различные модели общественной организации. Частный контроль над средствами производства и общественный контроль – это понятия не только противоречащие друг другу, но и просто несовместимые. Такой экономической организации, как смешанная экономика, то есть экономика, находящаяся посередине между капитализмом и социализмом, не существует. Все сторонники так называемого промежуточного решения призывают не к компромиссу между капитализмом и социализмом, но к третьей модели, которая обладает своей спецификой и должна оцениваться по собственным заслугам. Эта третья система, – интер-

венционизм, – отнюдь не сочетает в себе, как утверждают её пропагандисты, отдельные черты капитализма с чертами социализма. Она полностью отличается и от одного и от другого. Экономистов, утверждающих, что интервенционизм не достигает той цели, которую ставят перед собой его защитники, а только усугубляет положение – не с точки зрения самих экономистов, а только с точки зрения сторонников интервенционизма, – не следует считать упрямыми или экстремистами. Они просто объективно описывают неизбежные следствия интервенционизма.

Когда Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте» призывают к определённым интервенционистским мерам, они тем самым вовсе не имеют в виду компромисс между социализмом и капитализмом. Они рассматривают эти меры – кстати, те же самые, что составляют суть проводимых ныне Нового Курса и Справедливого Курса – как первые шаги на пути к установлению полного коммунизма. Они сами характеризовали эти меры как «экономически недостаточные и несостоятельные» и требовали их исполнения только потому, что те «в ходе движения перерастают самих себя, делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный порядок и неизбежны как средство переворота во всём способе производства».

Таким образом, социально-политическая философия «прогрессистов» – это призыв к социализму и коммунизму.

Романы и пьесы «социального звучания»

Публика, увлечённая социалистическими идеями, требует социалистических («Социальных») романов и пьес. Авторы, сами пропитанные социалистическими веяниями, готовы выдать требуемый материал. Они описывают неудовлетворительные условия жизни, которые, как они подсказывают читателю, являются неизбежным следствием капитализма. Они описывают нужду и лишения, невежество, антисанитарные условия

жизни и болезни эксплуатируемых классов, они бичуют вопиющую роскошь эксплуататорских классов, их тупость и моральное разложение. По их мнению, всё что плохо и уродливо – имеет отношение к буржуазии, всё что хорошо и возвышенно – к пролетариату.

Писатели, которые берутся описывать жизнь прозябающих в нищете людей, делятся на две категории. Представители первой сами никогда не испытывали бедности: они родились и воспитывались в «буржуазном» окружении, либо в среде обеспеченных рабочих или крестьян; для них окружение, в котором действуют герои их пьес и романов, является чужим. Такие писатели должны, прежде чем приступить к творчеству, собрать сведения о жизни низов. И они приступают к исследованию. Но к предмету изучения они подходят, разумеется, предвзято. Они заранее знают, что обнаружат, ибо убеждены, что бедственное положение рабочих превосходит всякое воображение. Они закрывают глаза на всё, чего не желают видеть, и обнаруживают только то, что подтверждает заранее сформированное представление. Они усвоили от социалистов, что капитализм – это система, при которой массы неслыханно страдают, и, по мере развития капитализма и достижения им зрелости, нищают всё больше и больше Романы и пьесы писателей этой категории задуманы как иллюстрация данного утверждения Маркса.

Плохо не то, что писатели такого типа избрали своей темой изображение нищеты. Художник может проявить мастерство в трактовке любой темы. Вся беда в тенденциозном показе и искажённом толковании общественных условий. Такие писатели не способны понять, что ужасные условия, описываемые ими, это как раз следствие отсутствия капитализма, пережитки докапиталистического прошлого или результаты политики, препятствующей развитию капитализма. Они не хотят понять, что капитализм, породивший массовое производство для массового же потребления, – это и есть система, по своей сути направленная, насколько это возможно, на ликвидацию нищеты. Изображая пролетария только в качестве производящей силы, они нигде не упоминают о том, что он является также основ-

ным потребителем как самих изготавливаемых товаров, так и продуктов и сырья, обмениваемых на эти товары.

Пристрастие этих писателей к живописанию отчаяния и бедствий превращается в вопиющее искажение правды, когда они пытаются доказать, что описываемые ими условия характерны для капитализма. Статистические данные о производстве и реализации изделий массового производства неоспоримо свидетельствуют, что рабочий отнюдь не прозябает в глубокой нищете.

Выдающимся представителем школы «социальной» литературы был Э. Золя. Он дал образец, который использовали затем его менее одарённые последователи. По его мнению, искусство тесно связано с наукой: оно должно основываться на научном анализе и служить иллюстрацией научных изысканий. Основным достижением социальной науки, считал Золя, был вывод о том, что капитализм – худшее из зол, а пришествие социализма в высшей степени желательна. Его романы «в подлинном смысле слова руководство по пропаганде социалистических идей».¹⁴ Но и самого Золя, несмотря на его рвение в распространении социалистических идей и убеждённость, вскоре превзошли «пролетарские» писатели и их последователи.

«Пролетарские» литературоведы утверждают, что «пролетарские» авторы якобы описывают подлинную жизнь пролетариев.¹⁵ Однако эти писатели не просто излагают факты. Они толкуют факты с позиций учений Маркса, Веблена и Веббов. Эта интерпретация и составляет квинтэссенцию их творчества, отличительную черту, характеризующую их как пропагандистов просоциалистических взглядов. Такие писатели принимают догмы, на которых затем основывается их толкование событий, как сами собой разумеющиеся и неопровержимые, причём они свято верят, что читатель разделяет их взгляды. Поэтому они не видят необходимости излагать положения своей концепции в явной форме, иногда они лишь подразумеваются. Однако это

¹⁴ P. Martino в «Encyclopedia of the Social Sciences», Vol. XV, стр. 53.

¹⁵ См. J. Freeman, *Introduction to Proletarian Literature in the United States*, an Anthology, New York, 1935, стр. 9–28

никак не меняет того обстоятельства, что все взгляды, проводимые в произведении, теснейшим образом зависят от социалистических догматов и псевдоэкономических построений. Всё творчество этих писателей – сплошное наглядное пособие к урокам настроенных против капитализма доктринёров и, как таковое, не выдерживает никакой критики, как впрочем, и сами учения.

Вторая категория «пролетарских» авторов – это те, кто родился в той самой пролетарской среде, которую они описывают в своих книгах. Эти люди порвали с рабочим окружением и перешли в разряд интеллигенции. Им не приходится, как «пролетарским» писателям из буржуазной среды, специально изучать жизнь рабочих. Они могут черпать информацию из собственного опыта.

Этот личный опыт подсказывает им факты, которые резко расходятся с основными положениями социалистического учения. Им, одарённым и трудолюбивым потомкам людей, живших в скромных условиях, никогда не был отрезан путь к достижению более перспективного положения в обществе. Писатели «пролетарского» происхождения убедились в этом на собственном опыте. Они прекрасно понимают, почему они добились успеха там, где потерпело неудачу большинство их собратьев и коллег. По мере своего общественного роста они имели возможность встречаться со своими ровесниками, стремящимися, как и они сами, учиться и добиваться лучшей доли. Им вполне ясно, в чём секрет успеха одних и неудачи других. Теперь, живя в среде «буржуазии», они сознают, что отличие человека более обеспеченного от его менее обеспеченного собрата отнюдь не в том, что первый – мерзавец и негодяй, а второй – нет. Они сами никогда не поднялись бы из своей среды, если бы не осознавали, что большинство бизнесменов и людей интеллектуального труда – это люди, сделавшие себя сами, хотя и начинавшие как и они, с нуля. Ясно им и то, что различие в доходах объясняется другими факторами, чем это утверждают люди, слепо ненавидящие капитализм.

Когда такие писатели начинают заниматься просоциа-

листической агитацией, они бывают неискренни. Их романы и пьесы неубедительны, это просто чтиво. Они значительно уступают произведениям писателей из «буржуазной» среды, которые хотя бы искренне верят в то, что пишут.

Социалистические писатели не довольствуются живописанием условий жизни жертв капитализма. Они изображают также деяния тех, кому живётся при капитализме хорошо, то есть бизнесменов. Их цель – поведать читателю, откуда берётся прибыль. Но поскольку сами они, слава Богу, не знакомы с этой «скользкой» темой, они предварительно получают информацию из книг всезнающих историков. И специалисты повествуют им о том, как «финансовые гангстеры», «бароны-грабители» наживают свои несметные богатства: «Этот бизнесмен, к примеру, в начале своей карьеры был перегонщиком скота, то есть покупал у фермеров скот и перегонял его затем на рынок для продажи. Мясник покупал скот по весу. Так вот, перед самым рынком, наш герой кормил скотину солью, а затем обильно поил водой. Галлон воды весит около восьми фунтов. Залейте в корову три или четыре галлона воды и при продаже вы получите за неё больше, чем она стоит».¹⁶ Десятки романов и пьес в таком же духе развенчивают сделки мошенников, то есть бизнесменов. Один магнат, оказывается, разбогател на торговле недоброкачественной сталью и несвежими продуктами, другой – на картонных подошвах и одежде из хлопка под видом шелка. Некоторые давали взятки сенаторам, губернаторам, судьям, полицейским, обманывали клиентов и рабочих. В общем, довольно простая история.

Писателям этой категории, наверное, никогда не приходило в голову, что их истории представляют большинство американцев полными идиотами, провести которых не составляет труда. Упоминавшийся выше трюк с надуванием коровы – это один из самых примитивных и древних способов мошенничества. Трудно поверить, что где-нибудь можно так просто об-

---

¹⁶ В W. E. Woodward, *A New American History*, (New York, 1938), стр. 608 автор упоминает этот факт при рассказе об одном бизнесмене, который пожертвовал большие суммы на нужды Богословской семинарии.

вести вокруг пальца покупателей скота. Предполагать, что в США найдётся такой простодушный закупщик, значит, ожидать слишком много от читательской наивности. Так же обстоит дело и с другими подобными мифами.

В своей личной жизни бизнесмен, каким «прогрессивный» автор представляет нам его, – это дикарь, игрок и пьяница. Он проводит время на скачках, вечера – в ночных клубах, а ночи – с любовницами. Как отмечают Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», эти «буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жёны и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жён друг у друга». Вот как выглядит американский бизнес в значительной части произведений американской литературы.

IV. Возражения неэкономического порядка, выдвигаемые против капитализма

Спор о счастье

Против капитализма выдвигаются обычно два основных обвинения. Первое: само по себе обладание мотоциклом, телевизором и холодильником не делает человека счастливым. Второе: есть всё ещё люди, у которых нет ни того, ни другого и ни третьего. Оба положения верны, но они не означают, что винить во всём следует капиталистическую систему общественного сотрудничества.

Люди, проводя жизнь в труде, не могут всё же надеяться на достижение полного счастья, они стремятся лишь, насколько это возможно, устранить испытываемое ими психологическое беспокойство и, таким образом, почувствовать себя лучше, чем прежде. Например, человек, покупающий телевизор, тем самым как бы признаёт, что обладание этим предметом повысит его благополучие и сделает его более счастливым, чем он был до приобретения. Если бы дело было не так, он не стал бы покупать телевизор. Врач не может поставить перед собой задачу сделать пациента счастливым, он способен лишь устранить боль и привести больного в лучшую форму, чтобы он мог вести важнейшую для любого живого существа борьбу против всего, что угрожает его жизни и спокойствию.

Вполне возможно, что среди бродячих буддистских нищих, живущих на подаяние, в грязи и нищете, есть люди, чувствующие себя вполне счастливыми и не испытывающие зависти к самому богатому набобу. Но для большинства людей такая жизнь кажется просто невыносимой. Для этих людей стремле-

ние постоянно совершенствовать внешние условия существования является врождённым. Кому придёт в голову ставить азиатского нищего в пример среднему американцу? Одним из самых замечательных достижений капитализма можно считать понижение уровня детской смертности. Можно ли отрицать, что это устранило, по крайней мере, одну из причин несчастья множества людей?

Не менее абсурдно второе обвинение, выдвигаемое против капитализма, что технологические и медицинские изобретения приносят пользу не всем людям, а только избранным. Изменения в жизни людей порождаются инициативой наиболее умных и энергичных индивидуумов. Они уверенно ведут за собой остальное человечество. Любое нововведение – сначала роскошь небольшого числа людей и только постепенно оно становится доступным каждому. Тот факт, что ботинки или вилки распространялись по миру очень долго и до сих пор ещё многие люди обходятся без них, не может служить аргументом против их использования вообще. Элегантные люди и джентльмены, первыми начавшие пользоваться мылом, явились зачинателями массового производства мыла для обычных людей. Если бы те, кто имеет возможность купить телевизор, не стали бы покупать его на том основании, что некоторые не могут позволить себе эту покупку, это никак не способствовало бы, а, напротив, препятствовало популяризации данного изобретения.

Материализм

Часто капитализм упрекают за якобы присущий ему грубый материализм. Невозможно не признать, что капитализм обнаруживает тенденцию улучшить жизнь людей. Однако, как утверждают его критики, он отвлекает людей от более высоких и благородных целей. Он питает тело, но ничего не даёт душе и уму. Он вызвал упадок искусства. Прошло время великих поэтов, живописцев, скульпторов», архитекторов. Наш век способен дать только китч.

Оценка достоинств любого произведения полностью субъективна. То, что превозносят одни, у других вызывает скуку. Не существует общего критерия для определения эстетической ценности поэмы или здания. Человек, восхищающийся Шартрским собором или «Менинами» Веласкеса, склонён считать любого, кто не разделяет его восторга, грубым мужланом. Многие школьники в отчаянье, когда им приходится читать «Гамлета». Лишь люди, наделённые искрой художественного вкуса и мышления, способны оценить творение художника и наслаждаться им.

В числе тех, кто претендует на образованность, всегда много лицемеров. Напуская на себя вид ценителей, ежи разыгрывают восторг перед искусством прошлого и давно умершими художниками. Подобного сочувствия они отнюдь не испытывают к современным художникам, все ещё борющимся за признание публики. Неуёмное восхищение старыми мастерами у них – способ выразить пренебрежение к новым художникам, отклоняющимся от традиционных канонов и создающим новое, а также – подвергнуть их осмеянию.

Дж. Рескина всегда будут помнить – наряду с Карлейлем, Веббами, Б. Шоу и другими – как одного из могильщиков британской свободы, цивилизации и культуры. Этот скверный – и в частной, и в публичной жизни – человек славил войну и кровопролитие и безудержно клеветал на политэкономические учения, которые он был не в состоянии понять. Он оставался фанатичным противником рыночной экономики и романтически воспевал традиции средневековых гильдий. Рескин преклонялся перед искусством мастеров прошлого. Но увидев однажды работу своего великого современника Уистлера, он разразился такой бранью в адрес художника, что был привлечён к суду за оскорбление и признан виновным. Именно в трудах Рескина популяризуется ложное представление о том, что якобы капитализм – кроме того, что он является неудачной экономической системой – ещё и способствует замене красоты упорством, величия – ничтожеством, а искусства – ширпотребом.

Поскольку люди отнюдь не единодушны в оценке произведения искусства, невозможно столь же категорически, как это делается при необходимости опровергнуть логические ошибки или факты опыта, утверждать, что с точки зрения художественного выражения век капитализма стоит ниже других эпох. И всё же ни один человек в здравом уме не возьмётся приносить художественные достижения эпохи капитализма.

Самым выдающимся видом искусства в этот век «грубого материализма и погони за наживой» явилась музыка. Вагнер и Верди, Берлиоз и Бизе, Брамс и Брукнер, Хуго Вольф и Малер, Пуччини и Рихард Штраус – какая славная плеяда! Эпоха, в которой даже таких мастеров, как Шуман и Дониццети, затмевали собой ещё более выдающиеся гении.

А были ведь ещё и блестящие романы Бальзака, Флобера, Енса Якобсена, Пруста, поэмы Гюго, Уитмена, Рильке, Йитса. Как бедна была бы наша жизнь, если бы мы лишились творчества этих гигантов, а также множества не менее крупных писателей.

Не будем забывать французских художников и скульпторов, научивших нас по-новому видеть мир и наслаждаться светом и цветом

Бессмысленно отрицать, что эта эпоха поощряла и поощряет также все отрасли науки. Но, не унимаются критики, все эти достижения – дело рук узких специалистов, а вот обобщающего «синтеза» так и не подучилось. Едва ли можно более абсурдно исказить учения современных наук, таких как математика, физика, биология. А как же быть с трудами философов Кроче, Бергсона, Гуссерля, Уайтхеда?

Каждая эпоха отличается собственным характером и своими художественными достижениями. Подражание шедеврам прошлого – это не искусство, а работа по шаблону. Ценность произведению придают как раз те черты, которые отличают его от других работ. Именно это называется стилем эпохи.

В одном отношении люди, превозносящие прошлое, по-видимому, правы. Последние поколения не оставили потомкам таких памятников, как пирамиды, греческие храмы, готи-

ческие соборы, церкви и дворцы эпохи Возрождения и Барокко. За последние сто лет было построено много церквей и даже соборов и ещё больше правительственных дворцов, школ, библиотек. Но все они не представляют собой ничего оригинального: они либо имитируют старый стиль, либо сочетают элементы нескольких старых стилей. Только в архитектуре жилых домов и зданий офисов проглядывает нечто напоминающее то, что можно обозначить как архитектурный стиль нашей эпохи. Хотя, справедливости ради, следовало бы отдать должное величественности некоторых современных городских видов, как, например, силуэт Нью-Йорка, в целом, нужно признать, современная архитектура не может сравниться по великолепию с архитектурой прошлого.

Причин здесь много. Что касается культовых построек, то подчёркнутый консерватизм церквей исключает всякие новшества. С уходом со сцены королевских династий и аристократии исчезло и стремление воздвигать новые дворцы. К тому же, что бы ни утверждали настроенные против капитализма демагоги, средства предпринимателя и капиталиста так ничтожно малы по сравнению с богатством королей и принцев, что он просто не в состоянии позволить себе столь дорогостоящее строительство. Сегодня нет человека богатого настолько, чтобы заказать дворцы подобные Версальским или Эскуриалу. Распоряжения на строительство правительственных зданий отдаёт сегодня тоже не самодержцы, которые могли назначить архитектора по своему вкусу, пусть даже наперекор общественному мнению, или финансировать проект, который шокировал бы непросвещённые массы. Всяческие комитеты и советы едва ли пойдут навстречу замыслам смелых новаторов. Они предпочтут не рисковать.

В истории ещё не бывало, чтобы широкие массы по достоинству оценили современное им искусство. Лишь небольшие группы умели отдавать должное великому писателю или художнику. Для капитализма характерно не то, что массы отличаются дурным вкусом, а скорее то, что они, добившись определённого достатка, становятся «потребителями» литературы –

и, конечно же, самой низкопробной. Книжный рынок наводнён дешёвой прозой для весьма невзыскательного читателя, почти полудикаря по своим литературным вкусам. Однако это не мешает большим художникам создавать бессмертные творения.

Критики капитализма проливают слёзы по поводу явного упадка прикладного искусства. Они сравнивают старую мебель, сохранившуюся в европейских аристократических домах и в музейных коллекциях, с дешёвой мебелью, изготавливаемой массовым производством. При этом забывают, что вещи, попавшие в музей, делались исключительно для имущих классов. Резных сундуков и мозаичных столов не было в жалких хижинах бедноты. Предлагаю придирам, кому не нравится дешёвая мебель американского рабочего, пересечь Рио-Гранде дель Норте и посетить лачуги мексиканских пеонов, которые вообще живут без мебели. Когда современная промышленность только начала снабжать массы атрибутами лучшей жизни, её задачей было производить, возможно, более дешёвую мебель без учёта каких бы то ни было эстетических критериев. Позже, когда развитие капитализма подняло уровень жизни масс, постепенно начали производить вещи, не лишённые утончённости и вкуса. Разве что уж человек очень романтически предубеждённый против капитализма станет отрицать, что всё больше и больше людей в капиталистических странах живут в интерьере, который при всём желании невозможно назвать безвкусным.

Несправедливость

Самые ярые критики капитализма – это те, кто порицает его за якобы порождаемую им несправедливость.

Праздное занятие – рассуждать, как должен быть устроен мир и почему он не таков, каким должен быть, а повинуется неумолимым законам реального мироздания. Такие фантазии – вещь безобидная до времени. Но когда люди перестают понимать разницу между фантазией и действительностью, они становятся серьёзной помехой на пути к улучшению внешних

условий существования.

Наиболее вредное из всех заблуждений – иллюзия о том, что «природа» наделила каждого человека определёнными правами. По этому учению природа – доброжелательна и щедра к любому, родившемуся на свет. Всем достаточно всего. Следовательно, у каждого есть неотъемлемое право требовать от ближнего и от общества всю свою долю, предназначенную ему природой. Вечные законы естественной и божественной справедливости требуют, чтобы никто не присваивал себе того, что по праву принадлежит другому. Бедные влачат жалкое существование лишь потому, что несправедливые люди лишили их всех благ, предназначенных им по рождению. Задачи церковных и светских властей – не допустить подобного грабежа и, таким образом, сделать всех богатыми и счастливыми.

Эта теория неверна от начала и до конца. Природа отнюдь не раздаёт свои блага направо и налево, она, наоборот, очень скупа. Она ограничила количество всего необходимого для поддержания человеческой жизни. Она населила Землю животными и растениями, у которых стремление наносить вред человеческой жизни и здоровью является врождённым. Она имеет в своём распоряжении силы и стихии, опасные для человека. Только благодаря своему умению использовать основное орудие, данное ему природой, то есть разум, человек смог выжить и добиться благосостояния. Богатство, которое фантазёры-романтики считают бесплатным даром природы, в действительности завоёвано людьми, сотрудничающими в общей системе разделения труда. Что касается «распределения» этого богатства, нелепо было бы ссылаться на какой-либо божественный или природный принцип справедливости. Дело здесь не сводится к распределению доли из общего фонда, предоставляемого человеку природой. Скорее речь идёт о том, чтобы развивать те социальные институты, которые позволяют продолжать и расширять производство всего необходимого человеку.

Всемирный Совет Церквей, экуменическая организация Протестантских Церквей, заявил в 1948 году, «Справедливость требует, чтобы жители Азии и Африки, к примеру, в большей

мере могли пользоваться продукцией машинного производства». ¹⁷ Такое заявление имеет смысл, если предположить, что Господь дал человечеству определённое количество машин с расчётом, чтобы эти блага были равномерно распределены между народами. Однако капиталистические страны вероломно завладели большей частью запасов, чем им полагалось, и, таким образом, жители Азии и Африки остались обездоленными. Какое безобразие!

На самом же деле, накопление капитала и вложение его в машины, источник относительно более высокого благосостояния народов Запада, возможны исключительно благодаря тому самому свободному капитализму, сущность которого вышеупомянутый документ немилосердно искажает и который он отвергает по моральным соображениям. Не капиталисты виновны в том, что азиаты и африканцы не приняли идеологию и политику, которая позволила бы развить местный капитал. Невиновен капитализм и в том, что политика лидеров этих стран не даёт возможность иностранным вкладчикам снабдить их «продукцией машинного производства». Никто не станет отрицать, что миллионы в Азии и Африке прозябают в нищете потому, что они придерживаются примитивных методов производства и отказываются от тех выгод, которые предоставило бы им использование более совершенного оборудования и современных технологий. У них есть только один способ облегчить невесёлую участь – безоговорочно принять свободный капитализм. Им нужно частное предпринимательство, накопление нового капитала, нужны капиталисты и предприниматели. Нелепо ставить в упрёк капитализму и капиталистическим нациям Запада то плачевное состояние, которое избрали для себя отсталые народы Азии и Африки. Исправить дело может не апелляция к «справедливости», а замена тупиковой политики политикой здравого смысла, то есть свободного капитализма.

Отнюдь не праздные рассуждения об абстрактной «справедливости» позволили поднять благосостояние простого че-

---

¹⁷ См. *The Church and the Disorder of Society*, New York, 1948, стр. 198

ловека на его сегодняшний уровень, а деятельность людей, на которых наклеивали ярлыки «закоренелых индивидуалистов», «эксплуататоров». Нищета отсталых народов – результат проводимой ими политики экспроприации, дискриминационного налогообложения, контроля над иностранной валютой, мешающего инвестициям иностранного капитала, в то время как внутренняя политика препятствует накоплению местного капитала.

Все, кто отрицает капитализм по нравственным соображениям как несправедливую систему, просто не понимают, какова природа капитала, как он появляется и сохраняется, а также какие выгоды можно иметь при использовании его в производственных процессах.

Единственным источником появления дополнительных средств производства является сбережение. Если все производимые товары потребляются, новый капитал не возникает. Но если потребление отстаёт от производства и избыток вновь произведённых товаров над потреблёнными товарами используется в дальнейших производственных процессах, эти процессы отныне осуществляются с помощью большего количества средств производства. Все средства производства – это промежуточные товары, ступеньки на пути, ведущем от первоначально используемых исходных факторов производства, то есть природных ресурсов и человеческого труда, к конечным, готовым к употреблению продуктам. Все эти средства производства рано или поздно изнашиваются в процессе производства. Если все продукты потребляются и при этом средства производства, использованные при их изготовлении, не заменяются, то капитал тоже оказывается «потреблённым». В этом случае дальнейшее производство может быть осуществлено только на меньшем количестве средств производства и, следовательно, оно будет давать меньше продукции на единицу природных ресурсов и использованного труда. Чтобы не допустить подобного убыточного производства и предотвратить сокращение капиталовложений, надо перебросить часть средств на сохранение капитала, на замену средств производства, потре-

блённых при производстве используемых товаров.

Капитал – это не бесплатный дар Бога или природы. Он – результат сознательного ограничивания своего потребления. Он создаётся и умножается посредством экономии и сохраняется при воздержании от растрачивания.

Ни капитал, ни средства производства не способны сами по себе повысить эффективность природных ресурсов и человеческого труда. Только при условии разумного использования и инвестирования сэкономленные средства способны повысить выпуск на единицу затрат природных ресурсов и труда. В противном случае эти средства рассеиваются или растрачиваются.

Накопление нового и сохранение ранее накопленного капитала, а также использование его для повышения производительности труда – всё это плоды целенаправленных человеческих усилий. Это заслуга людей, которые экономят средства и не позволяют расходу превышать приход, то есть капиталистов, получающих проценты, и предпринимателей, то есть людей, сумевших использовать имеющийся капитал для наилучшего удовлетворения нужд потребителя и получающих за это прибыль.

Но ни капитал, ни средства производства сами по себе, как и манипуляции капиталистов и предпринимателей с капиталом не могли бы улучшить жизнь остальных людей, если бы эти люди не реагировали на все действия капиталистов определённым образом. Если бы рабочий вёл себя так, как хотят представить дело сторонники «железного закона заработной платы», у него хватило бы фантазии только на то, чтобы тратить свой заработок на еду и производство потомства; накопление капитала соответствовало бы росту населения. Вся прибыль, приносимая накоплением дополнительного капитала, поглощалась бы увеличивающимся числом людей. Однако человек не реагирует на улучшение внешних условий жизни так, как это делают грызуны или микробы. У него есть иные потребности помимо пищи и потомства. В капиталистических странах увеличение накопленного капитала опережает рост населения.

Это приводит к тому, что маргинальная, то есть близкая к пределу производительность труда повышается по сравнению с маргинальной производительностью материальных факторов производства. Отсюда возникает тенденция к повышению заработной платы. Доля общего выпуска продукции, идущая на удовлетворение нужд рабочих, увеличивается по сравнению с той долей, которая достаётся в виде процентов капиталистам и в виде ренты – землевладельцам.¹⁸

О производительности труда можно говорить, только имея в виду предельную производительность труда, то есть сокращение чистого выпуска продукции, которое получилось бы в результате отстранения от производства одного работника. Только тогда она соотносится с определённой экономической величиной, с определённым количеством товаров или его денежным эквивалентом.

Понятие производительности труда, к которому обращаются, когда говорят о якобы естественном праве рабочего приписывать повышение производительности труда только себе самому, лишено всякого смысла и не поддаётся определению. Оно основано на ошибочном представлении, что возможно исчислить долю физического участия каждого из разнообразных взаимодополняющих факторов производства в выпуске продукции. К примеру, если человек разрезает бумагу ножницами, невозможно оценить вклад, внесённый в достижения конечного результата самими ножницами (или каждым из двух лезвий) или человеком, работающим ими. Для выпуска автомобиля нужны самые разнообразные станки и инструменты, различное сырьё, труд множества разных рабочих и, прежде всего, инженерный проект. Но невозможно определить, какую долю участия в изготовлении автомобиля следует физически припи-

---

¹⁸ Прибыли при этом не страдают. Они являются доходом от умения приспособить использование материальных средств производства и труда к изменениям в спросе и предложении. Они зависят только от того, сколь велико было бы несоответствие без соответствующего приспособления и насколько удалось его преодолеть. Эти изменения временны и исчезают сразу после устранения несоответствия. Но поскольку изменения в спросе и предложении происходят вновь и вновь, также постоянно возникают и новые источники прибылей.

сать каждому из участников, сотрудничество которых для этого потребовалось.

Итак, мы можем на время абстрагироваться от всех соображений, которые доказывают неверность такой трактовки проблемы, и задать себе вопрос какой из двух факторов вызывает повышение производительности, труд или капитал? И если мы поставим вопрос так категорично, то вынуждены будем ответить: капитал. Общий объём производства США (на единицу рабочей силы) в настоящее время именно потому больше, чем в предшествующие эпохи или в экономически отсталых странах (например, Китае), что современный американский рабочий имеет в своём распоряжении больше машин и приборов, к тому же лучшего качества. Если капитальное оборудование (на одного рабочего) оставалось бы на том же уровне, на каком оно было три века назад в США, или на каком оно находится в современном Китае, объём производства (на одного рабочего) не мог бы увеличиться. Единственное, что способно увеличить объём промышленной продукции в Америке – при сохранении общего числа занятых в производстве рабочих – это вложения дополнительного капитала, который, в свою очередь, может быть накоплен только путём сбережения и экономии. Именно тем, кто накапливает и инвестирует капитал, мы обязаны повышением производительности труда всех, кто занят в производстве.

Поднять зарплату рабочим и позволить им пользоваться всё большей долей продукции, объём которой удаётся увеличивать за счёт дополнительного накопления капитала, можно только благодаря тому, что темпы накопления капитала превосходят темпы роста населения. Официальная доктрина либо обходит этот факт молчанием, либо категорически отрицает его. Однако политика профсоюзов ясно свидетельствует о том, что их лидеры прекрасно осознают правильность теории, которую публично клеймят как нелепую буржуазную апологетику. Поэтому-то они и пытаются ограничить законами против иммигрантов число искателей работы и воспрепятствовать притоку новых людей на всех участках рынка рабочей силы.

Что повышение заработной платы зависит не от «производительности» индивидуального рабочего, а только от предельной производительности труда, наглядно подтверждается тем фактом, что зарплата растёт даже в такой сфере деятельности, где «продуктивность» индивидуума совершенно не изменилась. К примеру, цирюльник бреет клиента точно так же, как это делал его коллега двести лет назад. Дворецкий так же ждёт у стола премьер-министра Великобритании, как когда-то дворецкие, обслуживавшие Питта и Пальмерстона. И в сельском хозяйстве некоторые виды работ производятся теми же орудиями, что и много веков назад, однако заработная плата таких работников значительно выросла по сравнению с прошлым. Это стало возможным только благодаря росту предельной производительности труда. Наниматель дворецкого удерживает его таким образом от работы на заводе и должен, следовательно, платить эквивалент того увеличения объёма продукции, которое дало бы использование ещё одного человека на заводе. Ростом зарплаты дворецкий обязан не собственным заслугам, а только тому, что увеличение вложенного капитала превосходит увеличение численности рабочих рук.

Любые псевдоэкономические доктрины, преуменьшающие роль сбережения и накопления капитала, нелепы. Именно тот факт, что в капиталистическом обществе имеется в наличии больше средств производства, чем в некапиталистическом, делает первое общество богаче второго. Рабочие смогли улучшить свою жизнь благодаря тому, что увеличился объём капитального оборудования на каждого потенциального рабочего. В результате всё большая часть произведённых потребительских товаров достаётся рабочим. Пожалуй, ни Маркс, ни Кейнс, ни кто-либо другой из менее известных противников капитализма не смог бы опровергнуть следующее утверждение: существует только один способ увеличивать размеры заработной платы постоянно и на благо всех желающих трудиться, а именно – ускорить темпы увеличения капитала по отношению к росту населения. Если же считать такое положение дел «несправедливым», то винить во всём следует природу, но не человека.

«Буржуазные предрассудки» в отношении свободы

История западной цивилизации – это история непрерывающейся борьбы за свободу.

Общественное сотрудничество в условиях разделения труда является главным и единственным условием успеха человека в борьбе за выживание и в стремлении улучшить своё материальное благосостояние. Но поскольку человеческая природа такова, какова она есть, общество не может существовать, если в нём не действуют законы, препятствующие «непослушным» совершать деяния, несовместимые с жизнедеятельностью общества. В целях сохранения мирного сотрудничества нужно быть готовым прибегнуть к насильственному подавлению того, кто нарушает спокойствие. Обществу не обойтись без аппарата принуждения, то есть без государства и правительства. Но здесь возникает другая проблема: ограничить полномочия людей, выполняющих правительственные функции, дабы они не вздумали злоупотребить властью и низвести остальных до положения рабов. Цель всякой борьбы за свободу – держать вооружённых защитников мира, правителей, полицейских в определённых границах. Политическое понятие свободы индивидуума означает: свобода от полицейского произвола.

Идея свободы всегда была характерна для Запада. Восток от Запада отличает, прежде всего, то, что народы Востока никогда не разрабатывали идею свободы. Непреходящая заслуга древних греков состоит в том, что они первыми поняли значение институтов, охраняющих свободу. Новейшие исторические изыскания позволяют установить происхождение некоторых научных достижений, которые прежде приписывались эллинам, из восточных источников. Однако, идея свободы, бесспорно, зародилась в городах Древней Греции. Из трудов греческих философов и историков она перешла к римлянам, а затем – к европейцам и американцам. Она стала основным пунктом всех представлений людей Запада о справедливо устроенном обществе. Именно она породила философию свободной ини-

циативы, которой человек обязан всеми дотоле невиданными достижениями эпохи капитализма.

Цель всех современных политических и юридических институтов – оградить свободу индивидуума от посягательств со стороны правительства. Представительное правительство и правовое государство, независимость судов и трибуналов от вмешательства администрации, закон о свободе личности, судебное разбирательство и возмещение ущерба в случае незаконных действий администрации, свобода слова и прессы, отделение государства от церкви и многие другие институты преследовали всегда одну и ту же цель: ограничить всевластие должностных лиц и оградить индивидуума от произвола. Эпоха капитализма освободила человека от всех пережитков рабства и крепостничества. Она покончила с жестокими расправами и свела наказания за преступления к минимуму, необходимому для того, чтобы отпугнуть нарушителя от совершения проступка. Она положила конец пыткам и другим недостойным методам обращения с подозреваемыми и преступниками. Она, наконец, отменила все привилегии и провозгласила равенство всех перед законом. Вчерашние подданные тиранов превратились, таким образом, в свободных граждан.

Материальные улучшения жизни явились результатом проведения этих реформ и новшеств в правительственной политике. Когда все привилегии были ликвидированы и каждому было предоставлено право вступить в соревнование с законными интересами других, это развязало руки тем, кто достаточно изобретателен, чтобы развивать новые отрасли промышленности, которые сегодня столь необходимы для нормальной жизнедеятельности. Население увеличилось, но даже увеличившись, оно стало жить лучше, чем предки.

В странах западной цивилизации также всегда были апологеты тирании, то есть полного произвола самодержца или аристократии, с одной стороны, и абсолютного бесправия остального народа, с другой. Однако с эпохи Просвещения их число стало уменьшаться. Восторжествовало дело свободы. В начале XIX века казалось, что остановить победное шествие

принципа свободы невозможна. Самые выдающиеся философы и историки верили, что историческое развитие ведёт к установлению институтов, гарантирующих свободу, и никакие ухищрения и козни сторонников рабства не способны воспрепятствовать тенденции к либерализации.

Касаясь вопроса либеральной социальной философии, часто упускают из виду важный фактор, который способствовал развитию идеи свободы, а именно, исключительную роль, которая отводилась в воспитании элиты древнегреческой литературе. Среди греческих авторов были и сторонники всемогущей государственной власти как, например, Платон. Но основное содержание греческой идеологии составляло осуществление принципа свободы. Греческие полисы, если их сравнивать с современными социально-политическими институтами, были олигархиями. Свобода, которую государственные деятели, философы и историки воспевали как высшее благо человека, была привилегией меньшинства. Отказывая в свободе метекам и рабам, греки, по существу, выступали за деспотию наследственной касты олигархов. Однако было бы серьёзной ошибкой считать, что их дифирамбы были неискренними. В восхвалении свободы и борьбы за неё они были не менее бесхитростны, чем те американские рабовладельцы, которые две тысячи лет спустя совершенно искренне и с готовностью поставили свои подписи под Декларацией Независимости. Именно политическая литература Древней Греции породила идеи тираноборцев, философию вигов, учения Альтузия, Греция, Дж. Локка, создателей современных конституций и биллей о правах. Именно изучение классического наследия, основная отличительная черта образования в эпоху либерализма, не давало выветриться духу свободы в Англии времён Стюартов, во Франции времён Бурбонов и в Италии, раздираемой междоусобными распрями. Никто иной, как Бисмарк, являвшийся вместе с Меттернихом самым заклятым врагом свободы среди всех государственных деятелей XIX века, признаётся, что даже в Пруссии Фридриха-Вильгельма III гимназия, в которой образование основывалось на грекоримской литературе, была оплотом республиканцев.¹⁹

¹⁹ См.: Bismarck, *Gedanken und Erinnerungen*, New York, 1898, том I, стр. 1

Отчаянные попытки исключить классические штудии из программ либерального образования и таким образом уничтожить сам его дух явились одним из проявлений возрождающейся рабской идеологии.

Ещё каких-нибудь сто лет назад очень немногие представляли себе, какую мощную силу приобретут вскоре идеи, направленные против свободы. Казалось, идеалы свободы так прочно укоренились в сознании людей, что никакое движение вспять не смогло бы их уничтожить. Конечно, было бы бесполезно нападать на свободу открыто, призывать к возвращению в рабство. Но антилиберализм завладел умами людей, будучи заgrimирован под сверхлиберализм, то есть осуществление и воплощение самих идей свободы. Он пришёл под личиной социализма, коммунизма, планирования.

Любому здравомыслящему человеку с самого начала было ясно, что цель апологетов социализма, коммунизма, планирования состоит в уничтожении свободы индивидуума и установлении всемогущества государственной власти. Однако большинство интеллектуалов, примкнувших к социалистам, было убеждено, что, выступая за социализм, они борются за свободу. Они называли себя «левым крылом» и «демократами», а в настоящее время они претендуют ещё и на определение «либеральные».

Мы уже упоминали о психологических факторах, которые помешали интеллектуалам и следующим за ними массам правильно оценить ситуацию. Они – хотя подсознательно – явно ощущали, что если не смогли выполнить свои далеко идущие честолюбивые планы, то лишь по собственной вине. Они просто оказались либо недостаточно умны, либо недостаточно изобретательны. Однако им очень не хотелось сознаваться в собственной бездарности ни себе самим, ни своим товарищам, лучше уж найти козла отпущения. Они убедили самих себя и попытались убедить других в том, что причина их неудач лежит не в них самих, а в несправедливости экономической организации общества. При капитализме, утверждают они, только очень немногие имеют возможность самореа-

лизоваться. «В обществе, живущем по принципу *laissez-faire*, свободы могут добиться только те, кто в состоянии её купить».²⁰ Следовательно, заключают они, государство должно вмешиваться в жизнь общества, чтобы вершить «социальную справедливость», то есть, по их представлениям, чтобы давать неудовлетворённой своим положением посредственности «по потребностям».

До тех пор пока вопрос о социализме оставался лишь предметом теоретических споров, люди, не способные мыслить здраво и ясно, могли всерьёз поверить, что при социалистическом режиме сохранение свободы возможно. Но эти иллюзии развеялись, когда опыт СССР показал всем, каковы условия жизни при социалистической системе. Отныне апологеты социализма вынуждены извращать самоочевидные факты и манипулировать словами, силясь доказать совместимость социализма и свободы.

Покойный ныне профессор Ласки – при жизни знаменитый член и председатель Лейбористской партии, называвший себя «некоммунистом» и даже «антикоммунистом», – заявлял нам, что «в Советской России коммунист, несомненно, вполне ощущает свободу, но так же ясно он сознаёт и то, что в фашистской Италии у него этой свободы не будет».²¹ Действительно, русский имеет право подчиняться приказам своего начальства, но стоит ему хоть на одну сотую отклониться от «правильного» образа мысли, который определили власть предержащие, он подвергается безжалостному уничтожению. Все политики, чиновники, писатели, музыканты, учёные, оказавшиеся жертвами «чистки», не были – строго говоря – антикоммунистами. Напротив, они были ярыми коммунистами, старыми членами партии, которым в знак признания их верности советской идеологии верховное руководство доверило высокие посты. Их единственная вина состояла в том, что они не успели мгновенно подстроить свои идеи, политические взгляды, содержа-

²⁰ H. Laski, article «Liberty» в *Encyclopaedia of the Social Sciences*, IX, стр. 443

²¹ H. Laski, статья «Liberty» в *Encyclopaedia of the Social Sciences*, IX, стр. 445–446.

ние своих книг и симфоний к идеям и вкусам Сталина. Трудно поверить, что все эти люди «вполне ощущали свободу», если только не придать слову свобода смысл, прямо противоположный тому, в котором оно обычно употребляется.

В фашистской Италии, конечно, никакой свободы не было вовсе. Она переняла пресловутый советский образец «однопартийности» и в полном соответствии с ним уничтожила всякое инакомыслие. Но даже в осуществлении этого принципа между большевиками и фашистами всё же огромная разница. Так, например, жил в фашистской Италии бывший член парламентской группы депутатов-коммунистов профессор Антонио Грациадеи, оставшийся до смертного часа верным своим коммунистическим убеждениям. Как почётный профессор он получал правительственную пенсию и имел возможность публиковать в самых известных итальянских издательствах свои труды, являющиеся образчиками ортодоксального марксизма. Его несвобода была, по-видимому, менее жёсткой, нежели свобода коммунистов в России, которые, по выражению Ласки, «несомненно, вполне ощущали свободу».

Профессор Ласки с особым удовольствием несколько раз повторяет известный трюизм о том, что свобода на практике означает всегда лишь свободу в рамках закона. Закон же, продолжает он, стремится «обеспечить незыблемость того образа жизни, который признаётся желательным теми, кто управляет государственной машиной».²² Именно так функционируют законы свободной страны: они защищают общество от попыток разжигания гражданской войны и насильственного свержения правительства. Но Ласки делает серьёзную ошибку, заявляя, будто в капиталистическом обществе «стремление бедных радикально изменить имущественные права богатых сразу же ставит под угрозу все перспективы свободы».²³

Возьмём, к примеру, Карла Маркса, который, кстати, является кумиром самого профессора Ласки и его единомышлен-

---

²² Там же, стр. 446.

²³ Там же, стр. 446

ников. Когда в 1848–1849 годах он принимал активное участие в организации и проведении революции (сначала в Пруссии, потом в других германских государствах), то – являясь по существу иностранцем – он был выдворен и переселился с женой, детьми и своей служанкой в Париж, а позже в Лондон.²⁴ Некоторое время спустя после того, как неудавшиеся революционеры были амнистированы, ему разрешили вернуться в любое место Германии, и он неоднократно пользовался этим разрешением. Отныне он не был изгнанником и добровольно избрал местом жительства Лондон.²⁵ Никто не препятствовал ему при основании Международной Ассоциации Рабочих (1864 г.), организации, целью которой, как он сам признавался, была подготовка великой мировой революции. Никто не мешал ему в интересах этой организации ездить по европейским странам. Он преспокойно писал и издавал книги и статьи, которые, если использовать выражение Ласки, откровенно призывали к «радикальному изменению имущественных прав богатых». Маркс мирно почил в Лондоне, в своей квартире на Мэйтленд Парк-Роуд 41, 14-го марта 1883 года.

Или возьмём Британскую партию лейбористов. Их попытки «радикально изменить имущественные права богатых» – как хорошо известно самому Ласки – никогда не встречали противодействия, несовместимого с принципом свободы.

Маркс, будучи оппозиционером, мог преспокойно жить, писать и призывать к революции в викторианской Англии, так же как и лейбористы могли беспрепятственно заниматься политической деятельностью в послевикторианской Англии. В Советской России не потерпели бы ни малейшей оппозиции. Вот в чём разница между свободой и рабством.

---

²⁴ О деятельности Маркса в 1848–1849 гг. см.: Karl Marx, *Chronik Seines Lebens in Einzeldaten*, изд. Marx-Engels-Lenin-Institut in Moskau, 1934, стр. 43-81.

²⁵ 1845 г. Маркс добровольно отказался от прусского гражданства. Позже, в начале шестидесятых годов, он собирался начать политическую карьеру в Пруссии, но просьба о возвращении ему гражданства не была удовлетворена, и, таким образом, карьера стала невозможна. По-видимому, именно это побудило его остаться в Лондоне.

Свобода и западная цивилизация

Те, кто критикует правовое и конституционное понятие свободы и институты, созданные для её практического осуществления, правы в одном: защищённость индивидуума от произвола властей сама по себе недостаточна, чтобы сделать его свободным. Но подчёркивать эту бесспорную истину означает ломиться в открытую дверь. Никто из поборников свободы никогда и не утверждал, будто гарантия от произвола властей – достаточна для освобождения. Единственное, что даёт гражданину всю полноту свободы, которая только совместима с жизнью в обществе, – это рыночная экономика. Никакие конституции и билли о правах сами по себе не создают свободы. Они лишь защищают от посягательств полицейской власти ту свободу, которую даёт индивидууму экономическая система, основанная на конкуренции.

При рыночной экономике каждый имеет возможность добиваться такого положения в структуре общественного разделения труда, какого он желает. Он волен выбирать профессию, которая кажется ему наиболее подходящей для служения обществу. Этого права у человека нет в условиях планового хозяйства. Здесь власти решают, чем человек будет заниматься. По их усмотрению он будет либо выдвинут на более высокий пост, либо, напротив, оставлен в прежней должности. Индивидуум целиком зависит от милости власть предержащих. При капитализме же любой может вызвать на соревнование любого. Если тебе кажется, что ты можешь предложить людям товар лучшего качества или по более дешёвой цене, чем другие, ты вправе доказать свои способности. Твоим планам не грозит отсутствие средств: капиталисты постоянно заинтересованы в людях, которые смогут с максимальной выгодой использовать их фонды. Успех деятельности бизнесмена зависит только от того, как будут вести себя потребители, которые всегда покупают то, что им нравится больше всего.

Рабочий также не зависит от произвола нанимателя. Предприниматель, который не сможет нанять наиболее ква-

лифицированных рабочих и удержать их достаточно высокой зарплатой от перехода в другие места, расплачивается за свою нерасторопность сокращением чистого дохода. Вербуя работников, наниматель отнюдь не оказывает им милость. Они для него такое же необходимое средство достижения успеха, как сырьё или заводское оборудование. Рабочий же имеет возможность выбирать занятие, которое ему по душе.

При рыночной экономике не прекращается процесс социального отбора, определяющего положение и доход каждого индивидуума. Случается, что большие богатства уменьшаются и вовсе сходят на нет, в то время как люди, вчера ещё бывшие бедняками, добиваются высокого положения и приобретают состояние. В условиях, когда ни у кого нет привилегий и правительство не защищает ничьи личные интересы от угрозы со стороны более работоспособных и деловитых новичков, тем, кто приобрёл капитал, приходится каждый день отвоёвывать его вновь и вновь в конкуренции с другими.

В рамках общественного сотрудничества при разделении труда каждый зависит от того, насколько высоко предлагаемые им услуги оцениваются потребителями, к которым, кстати сказать, принадлежит и он сам. Приобретая или, напротив, не приобретая товар или услуги, каждый как бы выступает членом верховного суда, присуждающим любому – не исключая и самого себя – определённое место в обществе. Каждый участвует в процессе определения размеров дохода каждого – у кого-то более высокого, у кого-то – более низкого. Любой вправе внести такой вклад в общее дело, за который общество вознаградит его более высоким заработком. Свобода при капитализме означает: ты зависишь от чьей бы то ни было оценки не больше, чем другие зависят от твоей. Когда в производстве существует разделение труда и нет ничьей абсолютной экономической автаркии, не может быть иной свободы, кроме этой.

Нет необходимости напоминать, что основной аргумент в пользу капитализма и против социализма – даже не то, что социализм предполагает непременно ликвидацию всех «пережитков» свободы и превращение людей в полных рабов, а то,

что социализм неосуществим как экономическая система, так как в социалистическом обществе исключается возможность экономического расчёта. Поэтому социализм вообще нельзя рассматривать как систему экономической организации общества. Это – средство разрушения общественного сотрудничества, путь к бедности и хаосу.

Говоря о свободе, мы не касаемся основных экономических противоречий между капитализмом и социализмом. Отметим только, что европеец отличается от азиата именно тем, что он привык к свободе и сформирован ею. Цивилизации Китая, Японии, Индии, исламских стран Ближнего Востока даже до их знакомства с западным образом жизни нельзя, разумеется, считать цивилизациями варваров. Эти народы уже много столетий, даже тысячелетий тому назад добились огромных успехов в промышленности, архитектуре, литературе, философии и образовании. Они основывали могущественные империи. Однако позже их движение вперёд остановилось, их культуры потеряли жизненность, и они разучились успешно справляться с экономическими проблемами. Их интеллектуальный и художественный гений сошёл на нет, художники и писатели стали слепо копировать традиционные образцы, богословы, философы и юристы, все как один, занялись толкованием древних источников. Памятники, воздвигнутые некогда предками, рушились, империи распадались. Люди потеряли жизненную силу и равнодушно взирали на продолжающийся упадок и обнищание.

Философские работы и поэтические памятники народов древнего Востока могут соперничать с самыми ценными произведениями Запада. Однако вот уже в течение многих веков на Востоке не появилось ни одной значительной книги. Интеллектуальная и литературная история нашего времени едва ли помнит имя какого-либо восточного автора. Восток перестал участвовать в интеллектуальных исканиях человечества. Ему так и остались чуждыми и непонятными проблемы и противоречия, волновавшие Запад. В Европе было сотрясение, на Востоке – застой, лень и равнодушие.

Причина такого положения ясна. На Востоке не было самого важного: идеи свободы человека от государства. Восток никогда не поднимал знамени свободы, не пытался противопоставить права индивидуума власти правителей. Никто здесь не возмущался произволом тиранов и поэтому, естественно, не разрабатывал юридические уложения, которые защищали бы имущество граждан от конфискации по прихоти тирана. Напротив, введённые в заблуждение мыслью о том, что богатство одних является причиной нищеты других, люди даже одобряли обычай тиранов отбирать у наиболее удачливых купцов их имущество. Это исключало крупные накопления капитала и закрывало путь к тем преимуществам, которые возникали при наличии значительных капиталовложений. Это препятствовало возникновению «буржуазии» и, следовательно, появлению людей, способных покровительствовать писателям, художникам, изобретателям. Выходцам из народа были отрезаны все пути к продвижению, кроме одного: добиться чего-либо можно было только службой князьям. Западное общество было сообществом индивидуумов, соревнующихся в борьбе за высшие награды, восточное – сборищем ломаных, целиком зависящих от милости царя. Энергичный молодой человек на Западе смотрит на мир как на поле своей деятельности, где он может добиться всего: известности, почестей, богатства – для его честолюбия нет ничего недостижимого. Его ровесник, вялый и расслабленный юноша Востока, способен только повторить путь, предписываемый средой. Благородная уверенность в себе, присущая европейцу, нашла блестящее выражение в Софокловском хоровом гимне в «Антигоне», воспевающим человека и его предприимчивость, в Девятой Симфонии Бетховена. Ничто подобное никогда не звучало на Востоке.

Мыслимо ли, чтобы потомки людей, создавших европейскую цивилизацию, отказались от свободы и добровольно отдали себя во власть всесильного государства? Чтобы они согласились быть винтиками в гигантской машине, изобретённой и приводимой в движение всемогущим вождём? Неужели по примеру остановившихся в своём развитии цивилизаций они

откажутся от идеалов, ради достижения которых была принесена не одна тысяча жертв?

Ruere in servitium, они погрузились в рабство, печально констатировал Тацит, говоря о римлянах времён Тиберия.

V. «Антикоммунизм» против капитализма

Нигде и никогда во Вселенной не было стабильности и неподвижности. Изменение и переход из одного состояния в другое – основные черты жизни. Любое положение дел не вечно, любая эпоха – эпоха перехода. Нет покоя и неподвижности и в жизни человека – это процесс, а не пребывание в одном и том же состоянии. Однако человеческий ум всегда вводила в заблуждение иллюзия возможности неизменного существования. Цель утопистов, как признаются они сами, состоит в том, чтобы покончить с историей и установить окончательный и вечный покой.

Психологические мотивы этого стремления очевидны. Любая перемена преобразует внешние условия жизни и заставляет человека вновь приспособливаться к изменениям, происходящим в окружающей среде. Это угрожает его личным интересам, а также традиционным способам производства и потребления.

Это не на пользу и тем, кто интеллектуально малоподвижен и не склонён обновлять свой стиль мышления. Консерватизм противоречит самой природе человеческой деятельности. Однако он всегда был и остаётся излюбленной тактикой инертного большинства, тупо сопротивляющегося попыткам улучшить его же собственные условия жизни, которые предпринимает энергичное большинство. Термином *реакционный* обычно обозначают аристократию и жречество, которые поэтому называют свои партии консервативными. Однако яркие примеры реакционности дают другие социальные группировки: гильдии ремесленников, препятствующие притоку новых людей; фер-

людей; фермеры, требующие тарифной защиты, субсидий и «паритетных цен», рабочие, сопротивляющиеся технологическим новшествам, искусственно снижающие производительность труда, чтобы не допустить сокращения числа рабочих мест, и прибегающие к другим подобным приёмам.

Ни на чём не основанное самомнение литераторов и богемных художников позволяет им клеймить деятельность бизнесмена как бездуховное «делание денег». На самом же деле предприниматель или учредитель акционерного общества проявляет гораздо больше интеллектуальных способностей, чем средний писатель или художник. Ошибка многих людей, претендующих на интеллектуальность, как раз и состоит в том, что они не в силах понять, сколько способностей и трезвого ума требуется для того, чтобы начать и успешно вести предприятие в мире бизнеса.

Возникновение довольно многочисленного класса подобных безответственных интеллектуалов является одним из самых отрицательных явлений эпохи современного капитализма. Их навязчивость и суетливость отпугивают от них людей мыслящих. Они всем помеха. Человечество ничего не потеряло бы, если бы оно немного умерило пыл этих людей, а то и вовсе ликвидировало бы их кружки и группы.

Однако свобода – это свобода для всех. Любая попытка ограничить свободу этих декадентов-литераторов и горе-живописцев означала бы, что властям даётся право решать, что хорошо, а что плохо. Это было бы равносильно социализации интеллектуальных и художественных исканий. Неизвестно, позволило бы это избавиться от бесполезных и одиозных личностей, но уж наверняка поставило бы непреодолимые препятствия на пути развития творческого гения. Сильные мира сего – не любители свежих идей, веяний, стилей в искусстве. Они вообще против всяческих новшеств. Их власть всегда означает строгую регламентацию всего, а это порождает застой и упадок.

Моральное разложение, распущенность и интеллектуальное бесплодие класса не очень нравственных писателей и

художников – это та цена, которую должно заплатить человечество, чтобы дать возможность подлинным творцам-первопроходцам сказать своё слово. Свобода должна быть гарантирована всем, даже самым недостойным людям, чтобы ненароком не помешать тем немногим, кто сумеет воспользоваться ею во благо человечеству. Та свобода, доходящая до безнравственности, которой пользовались полунищие обитатели *Quartier Latin* в Париже, была одной из предпосылок появления нескольких поистине великих писателей, художников, скульпторов. Первая потребность гения – дышать воздухом свободы.

Да ведь и не сам легкомысленный образ жизни богемы виноват в падении нравов, а только то, что общество благосклонно его принимает. Реакция на псевдофилософские взгляды богемы со стороны людей, формирующих общественное мнение и вкусы, а также сбитых с толку масс, в результате порождает зло. Люди стремятся воплотить в жизнь теории, которые считаются в данный момент модными, чтобы только не прослыть тупыми ретроgrадами.

Самой вредной идеологией последних шестидесяти лет явился синдикализм Жоржа Сореля и пропагандируемая им тактика *прямого действия*. Плод разочарованного в жизни интеллектуала, эта теория быстро завладела умами литераторов во всех европейских странах. Она сыграла важнейшую роль в радикализации различных движений, разрушительных для общества: роялизма, милитаризма и антисемитизма – во Франции, большевизма – в России, фашизма – в Италии, в Германии – молодёжного движения, которое, в конечном счёте, вылилось в нацизм. Оно превратило политические партии, прежде добивавшиеся влияния путём выборов, в группировки, опирающиеся на вооружённые банды. Это учение всячески дискредитировало представительное правительство и «буржуазное спокойствие» и разжигало военную истерию как у себя в стране, так и за её пределами. Главным лозунгом движения была насилие и ещё раз насилие. Сегодняшнее положение дел в Европе – в значительной мере результат влияния теорий Сореля.

Первыми теории Сореля приняли интеллектуалы, они же сделали их модными. Однако учение было, в сущности, направлено против интеллектуалов. Оно отвергало всякое трезвое рассуждение. Для Сореля смысл имеет только действие, то есть акт насилия ради самого насилия. Он призывает к борьбе за миф, неважно, что это будет за миф. «Когда становишься на почву мифа, тебе уже не грозит никакое критическое опровержение».²⁶ Замечательная философия, не правда ли: разрушать ради самого разрушения? Не трать слов, не рассуждай, просто убивай! Сорель отбрасывает «умствования», даже если речь идёт о сторонниках революции в полном смысле слова. Основная цель мифа, по его мнению, в том, чтобы «готовить человека к борьбе за разрушение существующего».²⁷

Однако виноват в распространении псевдофилософии разрушения не сам Сорель или его ученики, Ленин, Муссолини, Розенберг, не безответственные литераторы и художники. Вся беда в том, что в течение многих десятилетий почти никто не отваживался критически проанализировать и разоблачить теории этих фанатиков, которым нечего терять и которые поэтому готовы на всё. Даже те теоретики, которые не поддались увлечению идеями безудержного насилия, всё же с готовностью нашли оправдание самым отчаянным эксцессам диктаторов. Первые робкие – впрочем, довольно запоздалые – возражения против учения Сореля стали появляться только тогда, когда идеологические приверженцы его теорий начали сознавать, что воплощение в жизнь идеологии тоталитаризма не гарантирует от пыток и казней даже самых рьяных её поборников.

Считается, что в наши дни существует антикоммунистический фронт. Цель этого движения, участники которого называют себя «либералами-антикоммунистами» (объективные наблюдатели именуют их более точно «антиантикоммунистами»), состоит в достижении коммунизма, но без внутренне присущих ему обязательных черт, которые всё ещё являются непри-

---

²⁶ J. Sorel, *Reflexions sur la violence*, 3d ed., Paris, 1912, стр. 49.

²⁷ J. Sorel, там же., стр. 46.

емлемыми для американцев. Эти люди ошибочно разграничивают коммунизм и социализм и – что весьма парадоксально, – рекомендуя некоммунистический социализм, они ссылаются на документ, известный как «Коммунистический Манифест». Они верят, что положение всё ещё можно спасти, стоит лишь вместо слова «социализм» употреблять «планирование», «общество всеобщего благоденствия». На словах они отвергают революционные и диктаторские устремления «красных», на деле же превозносят в книгах, в прессе, в школах и университетах К. Маркса, как поборника коммунистической революции и диктатуры пролетариата, как одного из величайших экономистов, философов, выдающегося благодетеля и спасителя человечества. Они хотят заставить нас поверить в то, что нетоталитарный тоталитаризм, нечто вроде треугольного квадрата, является панацеей от всех бед. У них есть, правда, некоторые робкие возражения против коммунизма, но в адрес капитализма они разражаются откровенной бранью, используя при этом терминологию из словаря Маркса и Ленина. Они подчёркивают, что капитализм гораздо более ненавистен им, чем коммунизм, и они готовы оправдать любые, даже самые неприглядные действия коммунистов, так как это всё равно лучше, чем «невыразимый ужас» капитализма. Короче говоря, они делают вид, что борются с коммунизмом, пытаясь при этом обратить человека в веру, сущность которой изложена в «Коммунистическом манифесте».

На самом деле эти так называемые «либералы-антикоммунисты» сражаются не против коммунизма как такового, а только против коммунистической системы, в которой они сами не играют ведущей роли. Их цель – социалистическая, а значит, коммунистическая система, при которой они сами вместе с ближайшими единомышленниками находились бы у власти. Было бы, пожалуй, преувеличением утверждать, что они горят желанием уничтожать других, но ведь и собственное уничтожение тем более никак не входит в их планы. А ведь при социалистическом строе только верховный самодержец и его приспешники могут чувствовать себя в полной безопасности.

Движение, исключительно направленное против чего-либо, – это вообще всегда чисто деструктивное и негативное явление, не имеющее никаких шансов на успех Яростные нападки на какое-либо учение, в сущности, только создают ему дополнительную рекламу. Люди должны бороться за то, чего хотят добиться, а не просто отрицать зло, каким бы ужасным оно ни было. Они должны поэтому без всяких оговорок осуществить программу рыночной экономики.

Теперь, после разочарований в результате политики Советского Союза и прискорбных неудач всех остальных социалистических экспериментов, коммунизм имел бы очень мало шансов на успех в странах Запада, если бы он не появился под обманчивой личиной антикоммунизма.

Единственное, что может спасти цивилизованные народы Западной Европы, Америки и Австралии от порабощения варварством по московскому образцу – это открытая и ничем не ограничиваемая поддержка свободного капитализма.